

Ованес
Ганаланян

АРМЕНИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ
РУССКИХ
ПОЭТОВ

Ованес Ганаланян

**Армения
в творчестве
русских
поэтов**

Ереван
«Советакан грох»
1988

ББК 83 Р 7

Г 19

Светлой памяти сестры моей **Арусяк Тиграновны
Ганалаян** посвящаю эту книгу.

О. Ганалаян

Г 19 Армения в творчестве русских поэтов: Статьи. — Ер.: Совет. грох, 1988. — 180 с.

В книге анализируются произведения русских и советских поэтов, рассматриваются творческие взаимосвязи деятелей литературы двух народов.

Г $\frac{4603020102(80)}{705(01)88}$ 105.88

ББК 83 Р 7

ISBN 5-550-00112-8

© Издательство «Советакан грох», оформление, 1988.

“ **ВРЕМЕНА!**
ТВОИ
ДРЕВНИИ
ГОЛОС... ”

УЗНАТЬ ТЕБЯ! ПОНЯТЬ ТЕБЯ!

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
Друг другу двери сердца отворить!

.
Армения, тебя готов я полюбить.
Я голову пред древностью твоей склоняю.

.
Иду к тебе! Я сердцем скорый.
Я оком быстрый. Вот горят твои венцы...

С. Городецкий

О стране седой древности Армении Байрон писал: «Какова бы ни была судьба армян, а судьба их в прошлом была горькой, какова бы ни была она в будущем, их страна вечно останется одной из самых интереснейших стран мира».

Армения с давних пор притягивала к себе иноземных путешественников, учёных, поэтов, многие из которых были желанными гостями. Но она имела и своих «приёмных сыновей», которые полюбили эту страну крепкой, неизменной любовью и были взаимно любимы ею. В самом деле, имена Полонского, Брюсова, Городецкого, Веселовского, Немировича-Данченко, Звягинцевой, Тихонова, Шервинского, Петровых, Гитовича и многих других стали для нас такими же близкими, как имена армянских поэтов.

Страна потомков Гайка привлекала и вдохновляла русских поэтов не только суровой красотой пейзажа, исполинским Араратом, высокогорным лазурным Севаном, богатыми архитектурными памятниками былого зодчества, но и героическими страницами своей многовековой истории.

Много есть, за что любить вас,
Но за храбрость в этих битвах
Любим вас сильней всего, —

писал русский поэт, покорённый беспримерными подвигами армянского народа.

Русские поэты воспевали и защищали интересы нашего многострадального народа не только пером. Они не раз принимали деятельное участие в битвах за свободу на полях Васпуракана, Эрзрума, Муша, Сасуна, на берегах Евфрата, отстаивая поправленные права «братьев армян». Вспомним имена Дениса Давыдова, Немировича-Данченко, Кулебякина, Городецкого и других.

Источником вдохновения для них явилась и поэзия Армении. Вот что пишет один из прославленных русских поэтов и учёных В. Брюсов: «...В изучении Армении я нашёл неиссякаемый источник высших, духовных радостей... Как историк, как человек науки, я увидел в истории Армении целый самобытный мир, в котором тысячи интереснейших, сложных вопросов будили научное любопытство, а как поэт, как художник, я увидел в поэзии Армении такой же самобытный мир красоты, новую, раньше неизвестную мне вселенную, в которой блистали и светились высокие создания подлинного художественного творчества»¹.

Говоря о средневековых армянских поэтах, тот же крупнейший мастер русской поэзии отмечал: «Средневековая армянская лирика есть одна из замечательнейших побед человеческого духа, какие только знает летопись всего мира». Этот маститый филолог, поэт и первоклассный переводчик, устанавливающий строгие нормы в русской поэзии, призывал

¹ «Поэзия Армении». Ереван, Айпетрат, 1963, стр. 314.

своих собратьев по перу учиться у армянских поэтов, обращаться к ним «за уроками и за художественными откровениями...». «Изучение этой лирики (речь идёт о средневековых армянских поэтах — О. Г.) обязательно для каждого поэта наравне с провансальской поэзией, с античной и т. д.»¹, — писал он.

Находясь «на грани спорящих миров», Армения долгие годы была ареной многочисленных набегов иноземных поработителей. Под страшный звон мечей и топот коней не раз опустошались армянские города и деревни; вот почему поэт Аветик Исаакян назвал нашу страну «малым очагом, полным великого горя».

Миновав свой многовековой исторический путь сквозь тяжёлые бури, армянский народ дошёл до XIX века, когда впервые блеснула перед ним надежда на освобождение от восточного деспотизма. Это было связано с интересами России, «которая сумела отодвинуть своё владычество за древний Арарат»².

Речь идёт о русско-персидской войне 1826 г. и русско-турецкой 1828 г., когда победоносные русские войска освободили территорию Армении и армянский народ от восточных завоевателей. В этих походах велика была роль самих армян. Как известно, добровольческие армянские отряды сражались вместе с русскими войсками под предводительством прославленных генералов Мадатова, Бебутова и других. «Армянские добровольцы проявили себя в боях как настоящие воины. Они бились против персов так, как это только можно желать...» — писал генерал Муравьёв, приводя имена легендарных армянских воинов — Акопа Арутюняна и др.

В период этих походов на Кавказ и в Армению стали приезжать многие русские путешественники, военачальники, государственные деятели и поэты. Именно в эти годы прибыли на Кавказ Грибоедов, Пушкин, Лермонтов. Очевидец и участник Эрзрумского сражения, великий русский поэт Пушкин, писал о подвигах конницы армянских ополченцев: «17 июня, утром, услышали вновь мы перестрелку и через два часа увидели Карабахский полк, возвращающийся с восемью турецкими знамёнами». В этих жарких боях и сражениях зарождались и крепились узы дружбы армян и русских. Пушкин, как и Грибоедов, восхищался неповторимыми пейзажами Армении. Он одним из первых воспел нашу горную страну в незавершённой поэме «Сказка о царе Зензеве». Его пленила красота царевны-армянки:

.
Она мила, как (ландыш) мая,
Резва, как лань кавказских гор...

В стихотворении «Дон» поэт, обращаясь к великой русской реке, приветствовал её от имени казаков-воинов и армянского народа:

Блеща средь полей широких,
Вон он льётся!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далёких
Я привёз тебе поклон.
Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привёз тебе поклон.

.

¹ В. Брюсов, «Опыты», Москва, 1918, стр. 195.

² В. Г. Белинский, Сочинения, т. 1, 1948, стр. 522.

Символично значение этого стихотворения: Пушкин выражает в нем чувства народов, проживающих на берегах и в долинах этих рек.

Вместе с Пушкиным побывали в Армении и другие русские поэты, знакомство которых с этой страной оставило заметный след в их творчестве. Армения приводила в восторг поэта-воина Дениса Давыдова, который в своём стихотворении «Полу-солдат» писал:

...Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагёз, нахмурясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;
И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь серебристых облаков
Луна плывёт над Араратом.

.

Вдохновенные страницы, посвящённые Армении, мы находим у русского поэта, современника Пушкина Сергея Глинки. Его перу принадлежат поэмы «Гайк» и «Ардоат и Адоад». В них выражена безграничная любовь к армянам и их стране. Кажется, что создатель этих творений — наш соплеменник, в груди которого бьётся сердце соотечественника.

В поэме «Гайк» автор, «раскрыв скорлупу предания», проник в его суть. В образе пра-родителя армян Гайка Глинка раскрывает характер целого народа, его миролюбие и в то же время непримиримость к поработителям, готовность сражаться не на жизнь, а на смерть против завоевателя Бэла.

На страницах поэмы, повествующих о битве Гайка и Бэла, поэт создаёт захватывающую картину сражения:

Немврод на Гайка нападает;
Но шагу Гайк не уступает.
.
.
Копьё своё в ту грудь вонзает,
Где ад свирепый обитает.
Пал с шумом, пал враг людей!
.
Исчез, исчез завоеватель!
И с гор гремит Армянских клик:
«Кто друг людей, тот стал велик!
Гайк с божеством умел сродниться,
За человечество сразиться.
Честь Гайку! Честь его сынам!
Гайк, соплеменник небесам!»

Этим победоносным гимном Гайку завершается поэма. Читателя захватывает уже пролог поэмы, где восхваляется библейский Арарат — пристанище Ноева ковчега и колыбель культуры человечества:

.
Там — на Армянском небосклоне
Блеснул завета первый луч;
Любовь творца в своём законе

Велела кровь людей беречь,
Чтоб с небом связи не пресечь.

Вторая поэма Глинки также затрагивает историческую тему. Хотя это произведение менее художественно, но и оно дышит патриотическим пафосом. Глинка восторженно повествует здесь о друге и соратнике Гектора, нашем предке Зармайре, сражавшемся против Ахилла, восхваляет несокрушимую силу Тиграна Великого, бившегося с Лукуллом. Поэт рисует образ исполина Ардоата, занятого мирным созидательным трудом. И этот богатырь, внемля зову матери-родины, оставляет свой мирный очаг, любимых детей, мать, жену и идёт сражаться во имя свободы отчизны. Здесь выражена глубокая внутренняя драма героя, оставившего в опасности родную семью:

Их плачу в душе моей внимаю;
Стонют дети; стонет мать,
Ах! на кого их оставляю?..
Что говорю?.. Доколь злодей
Разит наш край своим свирепством,
Доколь нас истомляет зверством:
Нет жён у нас и нет детей...

Будучи хорошо знаком с историей Армении и духовной сущностью её народа, Сергей Глинка в своём исследовании «Обозрение истории армянского народа» даёт следующую характеристику армян: «Армяне не воевали для войны: они воевали или за отечество, запечатлённое в сердцах их и изображённое на древних щитах, или за независимость, которую ценили выше жизни своей». Эта характеристика поражает умением проникнуть в характер целого народа.

Так писали и так воспевали поэты России Армению ещё на заре совместной борьбы наших народов против общего врага. Огнём и кровью скреплены узы братства наших народов на вечные времена.

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ

«Ясные и прозрачные вершины Кавказа всегда притягивали души поэтов», — писал Туманян. Яков Полонский ещё в детстве слышал много интересного об этом влекущем к себе крае.

О Кавказе, в частности об Армении, он многое узнал от своего отца, находившегося на военной службе в Армении. Его рассказы запечатлелись в юношеской душе. Круг интересов и знаний об этом крае Полонский расширил путём чтения книг, в том числе труда профессора Паррота, рассказывающего о дерзком восхождении на вершину Арарата. Будучи студентом Московского университета, Полонский поддерживал живую связь со студентами-армянами, знакомясь с прошлым и настоящим армянского народа, с его обычаями, нравами, с его задушевыми песнями. Впоследствии Полонский снискал любовь и уважение многих замечательных деятелей армянской культуры и литературы. Дружескими узами он был связан с Айвазовским, филологом Ахвердяном, поэтом Патканяном и многими другими.

Уже в начале поэтической деятельности Полонского Армения стала для него источником вдохновения. В 1841 году было опубликовано его стихотворение «Арарат». Седовластый Масис покорило многих поэтов и художников своей сказочной красотой. Все, кому довелось видеть эту библейскую гору, писали восторженные гимны о его величавой красоте. «Один вид этой древней горы сражает неизъяснимым удивлением. Я долго стоял неподвижно... Арарат бесподобен... Арарат безоблачный возвышается до синевы во всей красе», — писал Грибоедов.

Стихотворение «Арарат» было написано Полонским ещё до того, как он увидел эту величавую гору, в которую был влюблён заочно по рассказам и полотнам художников.

Арарат воспевается в связи с легендой о всемирном потопе, о Ноевом ковчеге. В стихотворении бегло воспроизводится и жизнь древних племён, обитавших на его склонах и равнинах и уже тогда умевших выращивать лозы винограда, готовить вино. Скупыми строками повествует поэт о жертвоприношениях этих племён-язычников. Наконец Арарат встаёт как символ величавой мощи, не покорённой человеком:

К моим громадам собиралась
Лишь туч угрюмая семья.
В мои уступы упиралась
Лишь радуги цветной дуга...

Живописные пейзажи и виды древней Армении с её многочисленными историческими памятниками становятся основным лейтмотивом не только для восторженных стихов поэта, но и для очерков и заметок об Армении и армянах. Путешествуя по Армении, Полонский стал воспевать эту сказочную страну уже в более реалистических тонах. Мечты поэта увидеть величавый Кавказ и Армению сбылись лишь в 1846 году, когда после окончания Московского университета он избрал постоянным местом жительства Тифлис, где был назначен редактором «Кавказского календаря». На этой должности ему представилась возможность общаться со многими видными деятелями армянской культуры. От пронизательного взора писателя-художника не ускользнула и жизнь простого трудового народа, жившего в хижинах на окраине города.

В Тифлисе, в этом большом «свадебном доме», как называл его Туманян, поэт мог слышать певцов-ашугов и гусанов, игравших на сазе, кяманче, зурне, чиануре, нагаре. Глубоко запали в душу армянские народные и духовные песни. Старый Тифлис был известен и своими красавицами, некогда покорившими поклонника красоты, знаменитого певца Саят-

Нову. Не раз воспевал он свою жестокую красавицу в образе безжалостной розы, ранившей соловья.

Героиней любовной лирики русского поэта также была одна из тифлисских красавиц. Речь идёт об армянке Софье Гулгаз и посвящённых ей стихах: «Не жди», «На путь из Кавказа». Чтобы понять настроение лирического героя этих стихов, нужно всмотреться в «Тифлисские сакли» Полонского, где поэт рассказывает о Софье Гулгаз. По словам автора, коварная красавица долго терзала его израненное любовью сердце и была причиной душевных волнений и тревог. Вот почему поэт желает хотя бы на время удалиться от своей возлюбленной:

...Ночь слишком хороша, чтоб я провёл с тобою
Часы, когда душе простора нет в груди;
Не жди! Я в эту ночь к соблазнам равнодушен —
Я в эту ночь к тебе не буду ревновать.

Стихотворение «Не жди» интересно и тем, что поэт выразил в нём максимальные возможности своего художественного таланта. В нескольких строках Полонский рисует пейзаж Тифлиса, этого своеобразного восточного города. Описывается летняя прозрачная ночь, стройные тополя, пронзающие, как зелёные копья, небесную лазурь. Слышится резкий звук зурны.

Поэт рисует картину засыпающего Сололака, где часто встречался с возлюбленной, звонкий смех которой звенел повсюду. Вот она выходит из своего дома с развевающимся лачаком на голове... Однако это не та облагораживающая любовь, которую воспевают его собратья по перу. Вот почему поэт не грустит в момент прощанья со своей Софьей:

Всё, что было обманом, изменою,
Что лежало на мне словно цепь,
Всё исчезло из памяти с пеною
Горных рек, вытекающих в степь.

Несмотря на это, Софья Гулгаз не однажды встаёт в памяти поэта, не раз воссоздаёт он портрет этой внешне очаровательной женщины.

Поэт кистью своей обессмертил образ армянки, написав её живописный портрет. Образ Софьи, как признаёт сам Полонский, отразился в его исторических драмах и особенно в драме «Дариджан». Создавая портрет грузинской царицы, Полонский придал ей черты Софьи. Вот что пишет он по этому поводу: «Она — Дариджан, отчасти похожа на ту армянскую даму, о которой я вам недавно рассказывал. Даже фразы некоторые принадлежат Софье...».

Полонский и в преклонном возрасте не мог забыть образ красавицы-армянки. «Живали теперь эта поразительная красавица Софья Гулгаз — или уже старуха и нищенствует», — писал он.

Русского поэта не раз вдохновляли и армянские песнопевцы, которые сыграли значительную роль в его творческой жизни. Мы имеем в виду не только народные армянские песни безымянных авторов, но и поэта Саят-Нову, со стихами которого познакомил Полонского его друг, известный саятнововед Геворк Ахвердян, первый издатель наследия прославленного ашуга. Среди русских поэтов Полонский первым обратил серьёзное внимание на литературное наследие гениального армянского ашуга, ещё не известного литературному миру России, и заговорил о нём во весь голос на страницах газеты «Кавказ».

К сожалению, многие наши саятнововеды, говоря о писателях и поэтах, увлекавшихся творениями бессмертного ашуга, часто забывали упомянуть имя этого известного русского поэта. Туманян был чуть ли не первым, который ещё в 1913 году в одной из статей о Саят-

Нове счёл необходимым, руководствуясь сознанием высокого долга, заговорить о Полонском как о первом ценителе и переводчике Саят-Новы. В самом деле, Полонский был первым из русских поэтов, который ещё на заре изучения и публикации наследия Саят-Новы выразил свой восторг и попытался раскрыть суть и характер творчества гениального ашуга. «Конечно, одним беглым знакомством и некоторым чужеродством русскому поэту было трудно познать наш национальный дух и, в частности, дух творчества Саят-Новы. Но и он познал, — пишет Туманян, — нежную и глубоко благородную душу Саят-Новы в целом».

Полонский, так глубоко понявший творчество гениального ашуга, перевёл некоторые из его стихов. Переводы эти, конечно, далеки от подлинной силы оригинала, они во многом уступают превосходным брюсовским переводам, тем не менее пальма первенства в этом принадлежит Полонскому. Саят-Нова был близок и понятен русскому поэту, но его любовь имела ту же участь: «безжалостная возлюбленная» Полонского сожгла его своими изменчивыми чувствами.

Однако Полонский, как и Саят-Нова, не проклял своей возлюбленной, а остался мужественным и добрым до конца, ибо, как говорил Саят-Нова, «язык ашуга — соловей, умеющий лишь благословлять, а не бранить».

Яков Полонский одним из первых русских писателей испытал на себе благотворное влияние Саят-Новы. В одном из своих стихотворений, написанных заведомо в духе и стиле песен Саят-Новы, Полонский, подобно армянскому ашугу, предаётся философским размышлениям:

Много песков поглощают моря, унося их волнами,
Но берега их сыпучими вечно покрыты песками.
Много и песен умчит навсегда невозвратное время, —
Новые встанут певцы, и услышит их новое племя.

По поводу этого стихотворения русский поэт писал следующее: «Не смею назвать стихи мои переводом. Когда я писал их, я только помнил мотив и давал полную волю своей фантазии». Полонский здесь как бы предупреждает своих критиков не искать случайного сходства в отдельных выражениях и образах. Влияние, испытанное Полонским, сложнее и глубже, чем внешнее сходство отдельных слов. Следует отметить, что эту мысль подтверждает и один из русских исследователей Полонского. «Именно под влиянием наследия Саят-Новы, — пишет И. Богомолов, — в творчество Я. Полонского широко врывается новая тема — тема отвлечённых, философски осмысленных и обобщённых раздумий над жизнью, над будущим человечества»¹.

Источником творческого вдохновения для Полонского были и другие представители армянского народа и сама Армения в целом. Нет предела тому восхищению, с которым он говорит в этих произведениях об Армении и армянской культуре, об армянском зодчестве, о роли и значении великого просветителя Месропа Маштоца, создателя армянской письменности. Чтобы убедиться в том, достаточно прочесть его «Краткий очерк некоторых городов Кавказского и Закавказского края». Важно отметить, что в своих сочинениях Полонский повествует об Эчмиадзине, Гарни, Санаине и других достопримечательностях армянской культуры не как турист-иностранец, а как горячий пропагандист и поклонник их. Армения стала для русского поэта источником вдохновения и обогатила его творчество не только тематикой, но и поэтическими средствами выражения.

¹ И. Богомолов, «Армения в творчестве Я. Полонского», Ереван, 1963, стр. 102.

АЛЕКСЕЙ КУЛЕБЯКИН

Армения стала источником вдохновения не только для поэтов-профессионалов, но и для воина Кулебякина, сражавшегося на полях битв этого многострадального края. Мужественные сыны сказочной страны, самоотверженно боровшиеся во имя родины-матери, сделались темой поэзии Кулебякина. «Отзвуки Вана» — так называется его сборник стихов, написанных в 1915 — 1916 гг. под раскаты канонад и грохот пушек. Незатейливыми рифмами и ритмами слагал он стихи об Армении. Создавая свои простые песни о полюбившемся крае и народе, Кулебякин мог бы сказать словами Надсона:

Лишь бы хоть как-нибудь было излито,
Чем многозвучное сердце полно.

Гуманное сердце русского воина-поэта действительно было полно сочувствия к обездоленному, «дотла разорённому, насыщенному смертью краю», к его дивной природе, «скрашивающей даже ужас запустения и гибели». Сердце поэта было полно восторга и к гениальным творениям нашего зодчества, нашим литературным памятникам, сказаниям и легендам. Он был проникнут не только чувством сострадания к угнетённому народу, но и в значительной мере чувством уважения к его отваге и жизнелюбию, этим могучим свойствам духа нашей нации, никогда и никем не подавленным.

«Это страна Семирамиды, Дария и других царей, страна легендарного Урарту, но все эти царства уже умерли, армяне же и поныне живут», — справедливо замечал Кулебякин. О мужестве и отваге народа взволнованно повествует его стихотворение «Оборона Вана», нашедшее место в сборнике «Отзвуки Вана». Лирический герой этих стихов — сам народ Васпуракана, поднявшийся на защиту своей чести и свободы, на защиту каждой пяди земли своей родины, которая дорога ему как зеница ока.

Васпураканцы преисполнены решимости сражаться до последней капли крови. Стихотворение «Оборона Вана» (апрель 1915 г.) начинается с описания прихода весны, когда природа освобождается от оков зимы, когда всё вокруг наполняется жизнью и дышит миром. Как контраст этому мирному фону поэт описывает тревогу жителей Васпуракана, над которыми нависла угроза нашествия турецких полчищ. Однако народ готов со всей решимостью отстаивать свою честь и свободу.

В стихотворении «Оборона Вана» образно воссоздаётся всенародный подвиг васпураканцев, вставших на смертный бой против лютого врага. Поэт глазами очевидца передаёт живую картину этого сражения.

.
Гнев пылает, слёзы льются.
Из последних сил армяне
В ожиданьи русских бьются.

Бьются с злой турецкой силой
За родное достоянье,
За поля отчизны милой,
За своё существованье.

Бьются, милости не просят,
Все усилья напрягают.
Хлеб, патроны жёны носят,
Дети взрослым помогают.

.
Много случаев геройства
Много мужества и пыла.

Народ, полный ликования, приветствует идущие ему на помощь русские войска.

А вдали за тополями
Приближается колонна:
Над свободными полями
Реют русские знамёна.

Однако победа была неокончательной, ибо вскоре после ухода русских войск озлобленные турецкие и курдские башибузуки с новой яростью напали на город, разорив его дотла. Об этом повествуется в стихотворении «Гибель Вана». И всё же население Вана готово скорее умереть, чем жить в оковах рабства и насилия.

Насмерть резались армяне,
В пламя женщины бросались.
Наконец в сожжённом Ване
Лишь развалины остались.

Город обратился в пепел, лишь природа по-прежнему продолжала, «ничего не замечая, ту же ласку излучать». Сердце же русского поэта сжимается от боли, видя горе своего младшего брата.

В книге «Отзвуки Вана» нашли место и стихи, в которых поэт восхваляет силу русского победоносного оружия. Вспомним стихотворение «Торжествующий Ван». Оно написано 2 февраля 1916 года по случаю радостной вести о взятии Эрзрума. Взятие этого города русскими войсками вызвало ликование в сердцах васпураканцев. «Нужно было быть на месте, среди ванских армян, — пишет поэт, — чтобы видеть их радость по поводу взятия Эрзрума... Люди буквально плакали от счастья. Ликовала толпа обездоленного, разорённого народа».

Из стен Эрзрума восходит свобода
Россией спасённых армян,
И день окончания рабства народа
Празднует Ван.

Кулебякину была дорога и духовная культура армянского народа, интерес к которой пробудил в нём в значительной мере поэт Ов. Туманян. Известно, что Кулебякин часто приезжал с ванского фронта в Тифлис к Туманяну и чутко прислушивался к наставлениям своего любимого мэтра — пить из истоков народного творчества, чем был так богат древний Васпуракан, эта «страна Семирамиды и Дария». Знакомясь с эпосом, легендами и сказаниями армянского народа, Кулебякин представил их в своей обработке. Мы имеем в виду ветвь нашего эпоса о Мгере-Младшем «Дверь Мгера», а также легенду «Ахтамар», переложённую в стихотворной форме. Эти сказания и легенды в обработке Кулебякина, правда, не блещут особым творческим замыслом и художественным мастерством, тем не менее они имеют познавательное значение, знакомя русского читателя с памятниками армянского народного творчества. Вот как описывает поэт «Дверь Мгера», которую ему посчастливилось видеть в Ване:

В отвесном утёсе, как в гладкой стене,
Огромная ниша пробита,
И древняя надпись видна в глубине

Ступенчатой рамки гранита.

.
А ниже — скала выгибается в свод,
И в ней небольшая пещера.
И всё это место преданье зовёт
«Дверью Мгера».

Большое познавательное значение имеют и описательные поэмы Кулебякина, знакомящие читателя с памятниками армянского зодчества — с Варагским монастырём и другими древними сооружениями. Речь идёт о таких творениях поэта, как «Ал-Кепри», «Торпак-Калан» и др.

В книгу «Отзвуки Вана» вносит тематическое разнообразие воспевание семи чудес Васпуракана, одним из которых было озеро Ван. В стихах «На Ванском озере», «На лодке по Вану» поэт проявил и бесспорное дарование художника: любясь Ванским озером, он восхищается его волшебной красотой, забывая все треволения мира.

И Ван многоводный зелёно-лазурным разливом,
Алмазными вспышками ярко на солнце сверкал.
.
Хотелось порою, как якорь в воде утонуть.
.
Хотелось на время оставить труды и тревогу,
Забуть треволенья и жизни докучливый шум
И плыть без заботы, отдавшись природе и богу,
Во власти волны и волной убаюканных дум.

Наблюдая за озером в разное время дня, поэт по-разному воспринимает его переменчивую красоту:

Взгляни на озеро, когда за облаками
Ныряет солнышко, то прячась, то светая.
.
Оттенки синие, зелёные отливы
И змейки золота, и вспышки огоньков,
В глуби прозрачной живые переливы,
И отражения бегущих облаков.

Ванское озеро своей чарующей красотой обогатило палитру поэта-художника новыми выразительными средствами — образами, сравнениями и метафорами. Многогранная красота этого чуда природы обусловила и богатство выразительных средств.

Для признательного поэта-воина источником вдохновения стала обаятельная личность самого Туманяна и его бессмертные творения. В одах и сонетах-акростихах встаёт благородный образ армянского поэта, живущего не только «судьбой гонимого родного народа», но и всего страждущего человечества, втянутого в пучину безбрежного моря людских бед в годы первой мировой войны. В «Сонете-акростихе» Кулебякина Ованес Туманян представлен как гражданин, как поэт, который разделяет горе и радости родного народа, считая его страдания своими личными. Обращаясь к Туманяну, Кулебякин вопрошает:

О чём грустишь, задумчивый поэт?
В твоих глазах мы видим тень укора.

Армянский бард! Ты грустен, что не скоро
Народам бог пошлёт покой от бед.

К бедам армянского народа равнодушно сердце русского воина, который сражался на поле брани в долинах Васпуракана во имя освобождения обездоленных «братьев-армян», веря в их светлое будущее.

В другом своём стихотворении «Памяти Ованеса Туманяна» Кулебякин воспроизводит образ национального поэта, который, перерабатывая в своём поэтическом горниле творения народа, возвращает ему их, отметив печатью своего гения.

Стихи Кулебякина, посвящённые Армении и армянскому барду Туманяну, подкупают читателя неподдельной непосредственностью, простотой и искренностью.

ЮРИЙ ВЕСЕЛОВСКИЙ

Благородная деятельность Ю. Веселовского на ниве армянской литературы снискала большую любовь и уважение нашего народа. «Да, мы желали бы побольше Веселовских, побольше светлых людей в русском обществе...» — говорил поэт Смбат Шах-Азиз.

Путь, избранный Веселовским, этим неустанным пропагандистом и энтузиастом большой культуры малого народа, был тяжёл, ибо ему пришлось пропагандировать армянскую культуру в такие годы, когда представители великодержавного шовинизма царской России не поощряли и преследовали её восхваление. «Опять об армянах? Как вы с ними носитесь!» — часто упрекали Веселовского царские цензоры и издатели. В 1894 году цензура изъяла его труд «Армянские беллетристы»¹. Однако и печальный удел этой книги не заставил Веселовского отступить от своего благородного начинания. К счастью, среди русских деятелей культуры и литературы были и такие, которые всячески подбадривали его в этом похвальном деле. Вспомним имена Л. Толстого, Пыпина, Марра, Бальмонта и др., не говоря уже о тех представителях армянской культуры, которые стали для Веселовского опорой в этой деятельности.

Круг интересов Веселовского был весьма широк — он охватывал чуть ли не все области арменистики.

Им было написано несколько десятков больших и малых статей и исследований о различных писателях Армении, начиная с древнейших времён и до наших дней (Егише, Абовяне, Шах-Азизе, Патканяне, Пароняне, Дурьяне и др.).

Писал он и о древнем и новом армянском театре, о гениальном армянском актёре Адамяне. Веселовскому принадлежит интересный труд о деятельности конгрегации мхитаристов, основанной на острове св. Лазаря в Венеции. Он писал также о Байроне, о его общении с представителями этой конгрегации («Байрон на острове св. Лазаря»).

Перу Веселовского принадлежит исследование о влиянии западноевропейской и русской литератур на армянскую. Не раз выступал он и в качестве переводчика армянских поэтов и прозаиков — Шах-Азиза, Патканяна, Цатуряна, Туманяна и др. Эти переводы были опубликованы в книге «Стихотворные переводы» и «Армянская муза». Его труды по вопросам армянской литературы и арменистики могут составить несколько томов. Веселовский принимал деятельное участие в ряде периодических изданий, вышедших в Москве и в других центрах России. Речь идёт о таких изданиях, как «Армянский вестник», «Армянский сборник» и о книге «Братская помощь армянам». Однако деятельность Веселовского в этой области не входит в нашу тему, мы ограничиваемся здесь лишь его поэзией.

Веселовский не был профессиональным поэтом. «Любовь делает человека ашугом», — гласит народная поговорка. Он писал стихи не только в юные годы, но и в преклонном возрасте, до конца жизни посвятив себя воспеванию армян и Армении.

Веселовский стал армянофилом, ещё будучи студентом Лазаревского института, где он постоянно общался с учащимися и преподавателями-армянами. Особенно благотворное влияние оказал на него поэт Смбат Шах-Азиз, обучавший его армянскому языку. В последующие годы связи Веселовского с представителями армянской культуры постепенно расширяются. Известна его дружба не только с однокашником Минасом Берберяном, но и с поэтом А. Цатуряном, с известным художником В. Суренянцем, профессором Г. Халатяном, К. Кусикяном и с другими видными деятелями.

Свои первые поэтические опыты Веселовский начал в 1887 году, когда в Лазаревском институте был основан ученический рукописный журнал «Горц». Именно здесь появляются

¹ Мы имеем в виду второй том данной книги.

впервые стихотворения Веселовского, явившиеся поэтическим выражением той любви, которую он питал к Армении. Поэта вдохновляла и история армянского народа, полная героических страниц. Хотя стихи его не всегда отличаются оригинальными образами, стройными и богатыми рифмами и музыкальностью, тем не менее они являются выражением искренних чувств и дум поэта.

В стихотворении «К армянам», написанном ещё в 1887 году, поэт славит беспримерные подвиги прародителя Гайка, «царя царей» Тиграна Великого, полководца Вардана и других.

.
Победы Гайка я, Арама воспевал,
Тиграна славного великие деянья
Я с уважением и страхом вспоминал,
Я пел о мужестве великого Вардана,
О славных с персами сражениях я пел;
Про горестный конец и гибель Гайастана
Народу своему поведать я хотел.

Обращаясь к армянскому читателю, поэт говорил:

Я не родился там, где вы могли родиться,
Востока жаркий луч меня не согревал,
Нет! В северной стране я должен был томиться,
Но я далёкий край любить не перестал.

.
Он для меня светил отрадною звездой,
Я видел новый свет, другие слышал звуки.

.
А вы рождённые под ярким солнца светом,
Узнайте, что в глуши, средь северных лесов,
Я не могу никак быть северным поэтом, —
Восточную страну я воспевать готов.

Веселовский был влюблён в Айкастан заочно; к своему великому сожалению, он не имел возможности вблизи познакомиться с манившей его страной. Знания его об Армении ограничивались лишь рассказами друзей и книжными источниками. Поэт воспел Аракс, Арарат, Эчмиадзин, Севан и другие красоты армянского края точно так, как их воспел знаменитый армянский поэт-учёный Алишан, проживавший на острове св. Лазаря и никогда не видевший своей родины.

Стихотворения Веселовского, посвящённые Армении, немногочисленны. К ранним стихам относится песня «Старый армянин к маленькому сыну», написанная в 1887 году и опубликованная в вышеупомянутом журнале «Горц». По форме она напоминает «Казачью колыбельную песню» Лермонтова. Лирический герой стихотворения завещает сыну карающим мечом отстаивать свою свободу.

Поэт призывает сынов Армении освободить свою священную родину от иноземных завоевателей. Таким призывом звучит и стихотворение «К армянскому народу»:

Пусть в вашем сердце вспыхнет пламя;
Вперёд, Армении сыны!
Уж рог трубит, взвилось знамя
Опять прославленной страны.

Залог бессмертия народа, говорит поэт, в его несокрушимой воле к жизни, в его непокоримом духе. Воплощением всего этого является образ полководца Вардана Мамиконяна. Его мужество, храбрость, доблесть восхищали и многих других поэтов.

Не раз вдохновлял Веселовского героический образ Вардана Мамиконяна, поэтическим выражением чего служат стихи «Перед портретом Вардана Мамиконяна», «Смерть Вардана Мамиконяна» и другие.

Поэт, родившийся под сводом северного неба, видевший лишь бескрайние поля России, глубоко сочувствует участи Айкастана и гибели её полководца.

Но тронулся и я несчастьем Гайастана. —
И я скорбел о нём меж северных полей,
Я вспомнил про конец великого Вардана,
И чувства горькие кипят в душе моей.

Стихотворение проникнуто чувством любви и сожаления к прославленному герою, павшему в неравном бою, и заражает читателя своим настроением.

Веселовский настолько близко воспринимает судьбу армянского народа, что кажется, будто он пишет о своём отечестве и о своём народе. Преисполненный оптимизма, он верит в светлое будущее армянского народа, и эта вера заключительным аккордом звучит в последних строках:

Пройдут года, и правда вновь проснётся,
И тронется весь мир несчастьем армян,
И после долгих лет свобода встрепенётся,
И полный новых сил воспрянет Гайастан.

Стихотворение «Смерть Вардана Мамиконяна» написано уже в зрелые годы, в последний период жизни Веселовского, и датировано 1916 годом. Психологически убедительны строки, описывающие Вардана, перед глазами которого в момент смерти проходят картины судьбой гонимого края.

.
Он вспомнил всё, — и сердце сжалось,
И слёзы хлынули из глаз...
«Прощайте, дети Гайастана, —
Так обратился он к войскам, —
Не забывайте вы Вардана,
Я больше не товарищ вам!..
Уж смерть идёт, — но как со мною,
Так вы сражайтесь без меня!
Не посрамите же собою
Вы Аварайрские поля!»
Угас! Но верностью герою
Его народ одушевлён;
Он гонит персов пред собою,
Он их теснит со всех сторон!..
Взамен прощальной, грустной тризны
Над прахом славного борца, —
С мечом в руке, за честь отчизны
Он смело бьётся до конца.

Подвиг Вардана стал вдохновляющим примером для последующих поколений в их борьбе за независимость отечества.

Прошли века... былым сраженьем
Гордится древняя земля...
И все взирают с уваженьем
На Аварайрские поля!..

В ряду поэтического наследия зрелого периода творчества Веселовского находится и стихотворение «Армения», написанное в 1911 году. С болью говорит поэт об утрате её былой славы, пройденном ею кровавом пути, о мрачных, как ночь, днях жизни народа и мечтах о грядущей свободе.

Есть древний край — о нём давно забыли,
Но вспомнить вновь судьбу его пора!
О, тяжелы его страданья были...
Он смерти ждал — но дожил до утра.

.
Он вёл борьбу за веру, честь и волю,
В глухую ночь, как светоч, он горел.

Армения, борющаяся за независимость, характеризуется здесь как страна подвижников, героев, верящих в своё освобождение.

Армянский край, ты долго ждал свободы, —
Твой близок день... он не померкнет вновь.

Последнее стихотворение Веселовского «В преддверии Нового года», написанное в 1918 году, является как бы итоговым. В нём выражено искреннее желание увидеть страну народа-борца такой же свободной, какой стала его родина после спасительного Октября.

...Чего армянскому народу
Мне пожелать на Новый год?
Добыть заветную свободу,
Идти бестрепетно вперёд!

.
И, как для русского народа
Не вечен грубой силы гнёт,
Пусть долгожданная свобода
И для Армении блеснёт!

Эта свобода пришла с помощью того народа, достойным сыном которого был Юрий Веселовский.

Говоря о поэтическом наследии Веселовского, нельзя обойти и его переводческую деятельность. Веселовский перевёл немало творений армянских поэтов. Переводы, как мы говорили, были опубликованы отдельной книгой под заглавием «Армянская муза». Венцом этого переводческого наследия является стихотворение Патканяна «Слёзы Аракса». Персонифицируя реку Аракс, символизирующую Армению, Патканян художественно воспроизводит пройденный путь армянского народа, не раз проливавшего жгучие слёзы негодования.

По берегам твоим заснувшим
Брожу, Аракс, в тоске моей,
Я уношусь к векам минувшим,
Взываю к теням славных дней!..

Но волны бурные несутся,
Не внемля, пенясь и шумя;
О берег с плачем горьким бьются
И мчатся в дальние края...

Поведай мне, Аракс могучий,
По ком рыдаешь ты порой?
Зачем объят тоскою жгучей
Ты даже чудною весной?

Как известно, на предложение Валерия Брюсова перевести стихи Патканяна для антологии «Поэзия Армении» многие русские поэты не откликнулись, считая, что переводить Патканяна на русский трудно, так как это сугубо национальный поэт. «Значение поэзии Патканяна трудно оценить в полной мере читателю не армянину, — писал Брюсов. — Её основная сила в чувстве высокого патриотизма»¹. Веселовский, хорошо понимавший значение поэзии Патканяна, с радостью переводил его.

Веселовский до последнего вздоха стоял на посту защитников Армении. Вся его творческая кипучая деятельность служила правому делу гайканского народа, который он любил искренне и неподкупно.

¹ «Поэзия Армении», Айпетрат, 1963, Ереван, стр. 379.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ¹

Среди русских поэтов, воспевавших Армению, особое место занимает Валерий Брюсов. С непревзойдённой силой прозвучали его стихи об Армении, его переводы из армянских поэтов, его знаменитое предисловие к «Поэзии Армении», его исследования об исторических судьбах армянского народа. Всё это было результатом кропотливого труда высокоэрудированного поэта-учёного. Брюсов открыл перед русскими читателями «поэтический мир Армении», тем самым вызвав большой интерес и любовь к Армении и армянскому народу среди русской общественности. За ним последовала целая плеяда русских больших и малых поэтов, которые стали воспевать Армению и переводить творения армянской поэзии.

* * *

Изучая историю и литературу армянского народа, знакомясь с удивительной страной седой древности, «которую сторожат сказочные витязи Арарат и Алагяз», Брюсов как поэт был глубоко очарован ими. Найдя в Армении и в армянской поэзии богатейший источник вдохновения, он под их благотворным воздействием, несомненно, обогатил и тематику собственного поэтического творчества. Неизменно склонный к героике и увлекавшийся всем героическим, Брюсов сравнивал свободолюбивый дух армянского народа, не терпящего ярма чужеземца, с гневно негодующим Араксом, не выносящим перекинутых через него мостов.

Венцом творений Брюсова, и не только Брюсова, но и всех русских поэтов, воспевавших Айастан, является стихотворение «К армянам». В нём с любовью и благоговением к великому наследию гайканского народа Брюсов пишет о героических подвигах, о пройденном пути, полном драматических событий. Армения, «находясь на грани разных спорящих миров», была вечной ареной завоевательских набегов, под звон мечей и грохот копыт её не раз опустошали враги.

Все бури, все волненья мира,
Летя, касались вас крылом, —
И гром глухой походов Кира
И Александра бранный гром.

И всё ж непокорённому армянскому народу удавалось выбить оружие из рук горделивого Рима, и не только Рима.

Вы низили, в смятеньи стана,
При Каррах римские значки,
Вы за мечом Юстиниана
Вели на бой свои полки.

Воля, жизнестойкость армянского народа оказались сильнее его врагов. Под ударами несметных вражеских сил не погиб край Наирский.

Стойкий народ не выпускал из рук меч-молнию, благодаря чему и выжил после несметных набегов и погромов. Он — народ армянский — уцелел, несмотря на все невзгоды ещё и потому, что умел как зеницу ока беречь свои святыни, тем самым не поддавался и белому погрому.

Храбрость в битвах и умение беречь свои духовные ценности... Благодаря этому, заключает поэт,

¹ Печатается с сокращениями.

И уцелел ваш край Наирский
В крушеньях царств, меж мук земли:
Вы за оградой монастырской
Свои святыни сберегли.

Не предаёт забвению поэт Брюсов и то, что народ Тиграна никогда не замыкался в тесных рамках национальной культуры, он умел преломлять и вбирать в себя «мысли Запада и Востока». «На светлом пламени Эллады зажжённый песен свет. Вы встали обликом суровым для нас таинственных времён», — заявляет поэт. Брюсов вручает армянам «патент на благородство», призывая в то же время национал-нигилистов познать себя, и далее восклицает:

А мы великому наследью
Дивясь, обеты слышим в нём.
Так! Прошное тяжёлой медью
Гудит над каждым новым днём.

Через всё стихотворение «К армянам», созданное в 1916 году, поэт проводит ту мысль, что Армения — авангард Азии в Европе. Но в нём Брюсов не ограничивается лишь восхвалением прошлого «народа Тиграна». Народ с таким прошлым, уверенно заявляет Брюсов, «звездой должен выйти из тумана, для новых подвигов созрев». Брюсов, который всегда и неизменно вдохновлялся героической историей Армении, находил много окрыляющего для своего поэтического воображения. С глубоким знанием культуры народа Гайка и Тиграна он воплотил на этом небольшом поэтическом полотне все свои раздумья о нашем народе, о его прошлом, настоящем и будущем.

Стихотворение «К армянам» примечательно и средствами поэтической выразительности. В нагнетании глаголов и ассонансах так и слышится тяжёлая поступь шагов и зловещий лязг оружия грозных полчищ Кира и Александра. Это небольшое стихотворение даёт о нашем народе больше познавательного, нежели многие объёмистые книги, повествующие об истории гайканского народа.

Видное место занимает также стихотворение «К Армении». Поэт воссоздаёт яркий образ мужественного народа. Лирический герой его, странствующий по Армении, богатой памятниками былого зодчества, в противоположность многим другим, видит среди руин прошлого не скорбные гробницы, слышит не леденящее кровь рыдание сов, а всплески живого творческого духа.

Не мёртвым голосом былины,
Живым приветствием любви
Окрестно дрогнули долины,
И древний мир, как зов единый,
Мне грянул грозное: Живи!

Брюсов видел, что хотя Армения омыта потоками крови, однако дух народа не сломлен, что он и ныне, как в годы своей высокой славы, стремится ко всё новым вершинам творчества. Народ с таким прошлым и настоящим не может не иметь великого будущего. Эта мысль красной нитью проходит через все произведения Брюсова, посвящённые Армении.

Брюсов больше всего был пленён образом Тиграна II, выдающегося политического и военного деятеля своей эпохи. Тигран II, подчёркивает поэт, отчётливо сознавал интересы родины, ценил и любил искусство и культуру как своего, так и других народов.

Образ Тиграна пленил не только Брюсова-историка, но и Брюсова-поэта, побудив его к созданию стихотворения «Тигран Великий». Лирическое начало сразу же врывается в стихотворение, написанное в эпическом стиле, придавая явственно эмоциональную окраску образу Тиграна:

В торжественном, лучистом свете,
Что блещет сквозь густой туман
Отшедших вдаль тысячелетий, —
Подобен огненной комете,
Над миром ты горишь, Тигран!

Когда армянские войска потерпели поражение в сражении с римским военачальником Помпеем, Тигран, презрев личное унижение, отправляется в стан Помпея, снимает с головы тиару и склоняется перед Помпеем. Делает он это во имя интересов своей страны и своего народа. При виде такого благоразумия «царя царей» Помпей идёт ему навстречу, сажает его рядом с собой, ограничивается взысканием с Тиграна лишь военной контрибуции и, не нарушив территориальной неприкосновенности Армении, сохраняет за Тиграном титул «царя царей», объявляя его «другом и союзником римского народа». Поэт видит в этом одно из проявлений величия.

Ты, пред Помпеем преклонённый
Во имя родины, — велик!

Немногим довелось так верно понять Тиграна и в такой художественной форме воспроизвести его величественный образ.

К числу стихотворений, написанных на историко-героическую тему, принадлежит и «Победа при Каррах», в котором прославляется блестящая победа над Римом сына Тиграна Великого — царя Артавазда II; воспевается здесь и подвиг армянского военачальника Сурена, пославшего Артавазду отрубленную голову Красса.

Среди произведений Брюсова на историческую тему особое место как по широте охвата материала, так и по своим жанровым особенностям занимает историческая сцена «Моление царя». В этом драматическом произведении устами еврея-прорицателя передаётся картина исторической судьбы армянского народа. Действующими лицами драмы или, как назвал её Брюсов, «исторической сцены», являются армянский царь Артавазд II, армянский военачальник (спарапет) и пленный еврей. В пьесе в художественно правдивой форме воспроизведена многовековая история армянского народа.

Подобно тому, как у Данте кровожадные враги, препятствующие всякому прогрессу, выступают в образе зверей, так и чужеземные завоеватели, стоявшие на пути армянского народа, представлены в пьесе в облике зверей. Дракон в этой трагедии символизирует римских завоевателей, совершавших набеги на Армению ещё во времена Тиграна Великого, а Лев — восточный и в особенности персидский деспотизм. Это хищники, разрывающие живое тело Армении на части:

Одну из них схватил себе Дракон,
Другую Лев. И, стоя над добычей,
Они рычали, скаля зубы...

Ещё не высвободилась страна из когтей этих хищников, как уже из далёких пустынь и степей яростно набрасывается на неё Парда, которая, низвергнув Льва и нанеся тяжёлые раны Дракону на границе Армении, овладевает армянским царством. Этот страшный зверь — символ арабских, монгольских, сельджукских и татарских племён; сильнее, однако, оказалась воля армянского народа к жизни:

Последнее, что мог я видеть, было
Внезапное во мраке озаренье,
Свет просиял, и был мне внятн глас:
«Лежащие в гробах да выйдут к солнцу!»

В своей трагедии «Моление царя» Брюсов предвосхищает будущее армянского народа. Именно поэтому мы можем назвать трагедию оптимистической. Основанием для такого оптимизма Брюсову послужила огромная воля к жизни армянского народа, его стойкость, его вовеки неугасающий творческий дух.

Творения, затрагивающие историко-героическую тематику, написаны Брюсовым в излюбленной им форме небольших эпических произведений.

В глубине спокойных, сдержанных брюсовских строк скрыта большая внутренняя сила. Между Брюсовым-историком и Брюсовым-поэтом нет разногласий: фантазия Брюсова-поэта свободно уместается в образах, очерченных Брюсовым-учёным. Его характеристики исторических событий и личностей глубоко правдивы и художественно убедительны.

Кроме историко-героической тематики, источником вдохновения для поэта явилась и природа Армении, суровые, но красочные её пейзажи, величественный Арарат, который распростёрся, подобно сказочному льву, над армянской землёй. Таковы стихотворения «К Арарату» и «Арарат из Эривани».

Арарат не всем являл свой величавый облик. Рассказывают, что когда в 1897 году Николай I приехал в Ереван, Масис скрыл свой лик «во мгле и тумане». «Эта гордая гора не желает показать мне своё чело», — сказал царь. Совершенно иначе встретил Арарат достойного уважения гостя — поэта Брюсова, когда тот прибыл в 1916 году в Ереван: во всём блеске своего величия предстал он перед ним.

Весь ослепительный, весь белый,
В рубцах задумчивых морщин,
Ты взнёс над плоскостью равнин
Свой облик древле-онемелый,
Накинув на плечи покров
Таких же белых облаков.

Захваченный чудесным видом Арарата, поэт увидел в то же время и уютящиеся у склонов его бедные хижины, и живущего среди каменистой суровой природы крестьянина, услышал его печальные песни. Для Брюсова Арарат олицетворял мудрость армянского народа, несокрушимую веру в его лучшие дни.

Армения вливала в поэта новые силы, окрыляла его воображение, бодрила его:

Армения! Твой древний голос —
Как свежий ветер в летний зной!
Как бодро он взвывает волос,
И, как дождём омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!

ВАСИЛИЙ НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Как и многие русские поэты, Василий Иванович Немирович-Данченко был глубоко озабочен судьбой гонимого армянского народа. Ему посвятил поэт ряд проникновенных стихов, в которых не только горевал о многострадальной Армении, но и выступал в защиту её погранных прав.

В 1876 — 77 гг. во время русско-турецкой войны он в качестве военного корреспондента едет на фронт и принимает непосредственное участие в военных действиях. В дальнейшем поэт сражался на многих фронтах. Был он в действующей армии в Греции, Болгарии, сражался в Адрианополе, в местечке Сан-Стефано, а затем в знойной Африке. В своих очерках и корреспонденциях поэт не раз рассказывал о героических подвигах народов, с оружием в руках отстаивавших свою независимость.

В годы русско-турецкой войны и в последующие, вплоть до первой мировой войны, Данченко общался со многими прославленными армянскими воинами и генералами. Ему довелось видеть армянских ополченцев, высоко поднявших знамя национально-освободительной борьбы. Поэта глубоко волновало как настоящее, так и прошлое армянского народа. Это сделалось темой его многих патриотических стихов. Значительная часть этих стихотворений была написана в период 1914 — 1917 гг. и опубликована в периодических изданиях «Русское слово», «Армянский вестник» и др.

Хотя поэт вёл суровую жизнь военного, но в его груди билось чуткое сердце певца, о чём свидетельствуют его стихи, прославляющие подвиги армянских воинов, отображающие скорбь и страдание гайканского народа, народа, «знавшего так много врагов и имевшего так мало друзей».

Стихотворение «За что?» занимает особое место в поэтическом наследии Немировича-Данченко. Оно написано с большим публицистическим пафосом.

Пламенный темперамент поэта выливается в гневный протест против великодержавного шовинизма. Поэт смело бросает упрёк черносотенцам, глумившимся над истерзанным народом. Против них и направлено своим остриём стихотворение «За что?». Оно полно ненависти ко всем, кому чуждо гуманное отношение к народу, подвергшемуся страшному бедствию, народу, обогатившему мир сокровищами высокой духовной культуры. Поэт упрекает их за невежество, за незнание «кровавой летописи» армян, их бывшего могущества. С негодованием он вопрошает:

У наших алтарей не ваши ли молитвы?
Не тот же ли у нас животворящий крест?
Мы вместе с вами шли в огонь священной битвы
За общую судьбу одних и тех же мест.

Ослеплённые шовинизмом, эти изверги продолжают «потешаться над жертвенным народом». И хоть гайканский народ невелик, сила нации не в численности, а в том, на какие дела и подвиги она способна:

Да, правда, мало нас! И меньше с каждым годом
Становится армян... Осмеивайте их!
Но ведь вы тешитесь над жертвенным народом,
Распятым, как Христос, на рубежах своих.
Мы на Голгофу шли с восторженной любовью,
И в тёмные века боролись мы одни.
Могли бы напоить мы ад своею кровью
И погасить его багровые огни.

А унижения мучительного плена?
А пытки, а позор, а горе и боязнь?
О, нас спасли бы всех предательство, измена,
Но мы — мы выбрали апостольскую казнь.
Надгробный слышен плач над братской и великой
Могилою армян и погребальный звон...
Стыдитесь! Жалок смех вражды и злобы дикой
В благоговейный час народных похорон.

Образ распятого Христа — этого «великого мученика» — понадобился поэту для сопоставления с армянским народом, также несущим свой крест на Голгофу и воскресающим, подобно Христу. В стихотворении «За что?» поэт говорит о народе, который, не раз пренебрегая смертью, готов был скорее «принять апостольскую казнь», чем спастись предательством.

Немирович-Данченко преследует единственную цель — дать понять злорадствующим клеветникам, царским сатрапам, что армянский народ не тот, каким они его представляют. Это народ, у которого воля к свободной жизни сильнее врага. Любому деспоту армянский народ повторял слова вардановых сподвижников: «Ты можешь замучить тело армянина, но что ты сделаешь с его душой?»¹.

Перу Немировича-Данченко принадлежат и небольшие поэмы под общим заглавием «На берегу Евфрата», которые по внутреннему содержанию тесно связаны друг с другом. В них поэт устами лирического героя, жившего когда-то в долинах Евфрата мирным созидательным трудом, рассказывает об участии армянина-труженика, который покинул родной край, спасаясь от турецкого ятагана и стал странником-пандухтом. Лейтмотивом этих поэм является тоска пандухта по родному краю и чувство мести к злодеям, превратившим его отчий дом в груды развалин и пепла. Поэмы начинаются повествованием о былом счастье:

Мой старый дом стоял на берегу Евфрата...
.
У моего окна румяная граната...
.
Любила я свирель тоскующую брата.
Я помню: мать, окончив знойный день,
Певала часто нам в прощальный час заката
О тихих радостях смиренных деревень,
О старине седой, о витязях свободных,
Державших меч святой в защиту прав народных.

Идиллическая жизнь героя однако переходит в драму, когда в его страну внезапно вторгаются османские варвары.

И как-то раз вдали... О, не забыть тот день!
Бегущая толпа, отчаяньем объята,
Нахлынула на нас из отчих деревень.
Кровавые на ней ещё сочились раны.
Там были женщины и дети из Аданы.

Вместе с переменой судьбы лирического героя в поэмах меняются и выразительные средства автора — образы, сравнения, метафоры. Радостные, светлые пейзажи сменяются

¹ Ов. Туманян, Сочинения, Айпетрат, Ереван, стр. 88.

мрачными картинами пожарищ. Белые цветущие берега Евфрата превращаются в голые пустыни. Армянин-беженец, изгнанный из родного края, теперь шагает в далёких, опалённых солнцем пустынях чужой страны. В конце поэмы герой возвращается в отчий дом, превращённый в пепелище. Стоя на горячем ещё пепле, бездомный пандухт шепчет слова благословения своему дому, как шептал бы каждый армянин Айастану.

«Благословляй свою родину» — такой многозначительной концовкой завершаются маленькие поэмы Немировича-Данченко, полные чувства патриотизма, любви к родине, насыщенные непосредственностью, эмоциональностью и живыми конкретными образами.

В стихотворениях и поэмах Немировича-Данченко изображена по преимуществу Западная Армения, «берега библейского Евфрата». Все творения Немировича-Данченко, посвящённые армянам и Армении, дышат оптимизмом, глубокой верой в светлое будущее армянского народа. Этим оптимизмом особенно проникнуты стихотворения «Весною» и «Знамя». Истоки этой веры поэт видит в непокорённом духе народа, в его борьбе, в его воле к жизни. Именно этим продиктован призыв поэта к брату-воину оружием ковать свою победу:

Мы верим, близок час расплаты!
За ружье, в строй! Воскресший брат,
Ты слышишь дальние раскаты —
Побед обещанных набат?..

Среди стихотворений и поэм Немировича-Данченко стоит упомянуть «Молитву эмигранта», которое богато автобиографическими моментами. В нём выражена и большая притягательная сила матери-родины, выросвшей и вскормившей лирического героя. Родимая земля притягивает к себе героя, его зовут родные голоса: там, на родине, звучит величественный родной язык, между тем как на чужбине ему грозит неминуемая гибель.

Стихотворение «Могила эмигранта» также близко и дорого армянину-пандухту, находящемуся на чужбине, оно затрагивает струну его души, передаёт глубокую тоску по родине. Герой обращается к брату с просьбой принять его в отчий дом:

Прими меня, многострадальный брат,
Без злого ропота и позднего упрёка...
Я весь остыл в холодной стороне.
Вдали я забывал тоску родимых песен
И мать, чья кровь горячая во мне...
И край, мой отчий край казался чужд и тесен.
· · · · ·
Быть на кресте мучительном с тобою,
Чем мстительно кричать: «Распни её» — Пилату...

Тема репатриации, не раз находившая место в армянской поэзии, занимает поэта В. Немировича-Данченко. В «Песнях об Армении» он призывает армян-пандухтов вернуться на родное пепелище, в овеванные славой древние города Армении — Ани, символизирующий армянскую государственность, и Эчмиадзин — духовный центр, объединяющий всех армян.

И в отчий край в былые дни
Зовут тоскующего сына;
К руинам царственным Ани
И в стройный храм Эчмиадзина.

В стихах, затрагивающих армянскую тематику, к сожалению, не всегда чувствуется колорит Армении, её красочные пейзажи — её величественные горы, цветущие виноградники, так как поэт был связан с Арменией лишь духовно. Понятно, почему в подобных его творениях ощущается дыхание романтической поэзии.

Василий Немирович-Данченко, как писал он сам, «одновременно принадлежал к славянскому и армянскому племенам». Отсюда и понятна его пылкая любовь к народу, шедшему по тернистой дороге своего долгого исторического пути. Благоговение перед народом созидателем, но и страдальцем, породили такие песни, в которых пафос высокой гражданственности и патриотизма согрет чувством любви.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

К поэтам, чья муза воспела Армению и её народ, относится и Сергей Городецкий.

Испытанный друг и заступник поправленных прав армянского народа, Городецкий в 1916 году приезжает в Тифлис в качестве корреспондента газеты «Русское слово» с берегов Невы, где прошло его детство и юношеские годы. Здесь, в Тифлисе, Городецкий обращается к обществу «Союз городов», изъявляя желание отправиться на фронт.

...Среди толпы собравшихся внимание поэта привлёк высокий худощавый человек, который принимал деятельное участие в благоустройстве людей, ехавших в Ван на помощь беженцам.

Услышав из уст одного из присутствующих, что это известный армянский поэт Ованес Туманян, Городецкий подходит к нему со следующими словами:

— Я еду в Ван. Я — поэт Сергей Городецкий. Позвольте пожать вашу руку.

— Мы знаем вас... В Ван? Трудная дорога, трудное дело. От «Союза городов?» Что собираетесь там делать?

— Не знаю.

— Собирайте и спасайте детей. Они там живут в развалинах, в ущельях. Одичали. Организуем приют¹.

В лице Городецкого Туманян увидел человека, готового помочь страждущему армянскому народу, переживавшему в ту пору драму, невиданную во всей его трагической истории. Но как помочь, с чего начать? Вот вопросы, которые стояли перед русским поэтом и на которые он ещё не мог ответить. Тут к нему на помощь и пришёл Туманян.

Познакомившись с Городецким, Туманян в тот же вечер приглашает его к себе домой, с целью дать добрый совет и помочь при выполнении столь благородной миссии.

— Не покидает нас Россия, — говорил Туманян, имея в виду не царскую Россию, чьи сатрапы и генералы хотели видеть Армению без армян, а русский народ.

Это подтверждает Городецкий, рассказывая, как Туманян, у которого в тот вечер он находился в гостях, вдруг прервал беседу с ним, повёл его на балкон, откуда был виден дворец наместника, и, указав на него рукой, воскликнул:

— Им нужна Армения без армян! Им, а не русскому народу...

Против этих сатрапов и царских генералов писал впоследствии Городецкий с Ванского фронта.

Увлекательные рассказы Туманяна, его пленительное повествование в величавом гомеровском духе, живой разговор о прошлом и настоящем Армении, как признаётся Городецкий, раз и навсегда пленили его душу и привлекли к этой удивительной, прекрасной и несчастной стране. Туманян говорил в беседе с Городецким о высоком призвании поэзии и поэта.

— Вы поэт. Вы едете в разорённую древнюю Армению. Напишите про неё.

— Я хочу, но я ничего не знаю.

— Вы поэт. Поэзия — это и есть познание жизни. Иначе она не нужна. Вы увидите жизнь страшную, жизнь народа на краю смерти. Напишите про то, что увидите, это и будет поэзия².

По собственному признанию Городецкого, именно Туманян дал ему в ту трудную годину путёвку в жизнь и в поэзию.

¹ С. Городецкий, Лирический портрет Ованеса Туманяна, «Дружба», том II, Ереван, 1960, стр. 317 — 318.

² «Дружба», том II, стр. 320.

«Я ушёл с этого вечера потрясённый и окрылённый, — пишет Городецкий, — мой путь стал мне ясен. Через несколько дней, занятых подготовкой к отъезду, 13 апреля я написал и принёс Туманяну следующее стихотворение»¹:

АРМЕНИИ

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
Друг другу двери сердца отворить!
Армения, звенящая огнём и кровью,
Армения, тебя готов я полюбить.
Я голову пред древностью склоняю.
· · · · ·
Как странно мне, что я тебя ещё не знаю,
Страна-кремень, страна-алмаз, страна-мечта!

Иду к тебе! Я сердцем скорый.
Я оком быстрый. Вот горят твои венцы
Жемчужные, от долгих бед седые горы.
Я к ним иду. Иду во все твои концы.

Стихотворение дышит одним страстным желанием увидеть вблизи эту древнюю страну, её народ, её прекрасную природу, её высокие горы, служащие шатрами бродячих облаков и гнёздами орлов, познать древнейшую богатую культуру народа-страдальца. Вскоре желание поэта осуществляется, и муза его обретает своё общественное назначение.

Во время путешествия по Армении Городецкий увидел и познал «судьбой гонимый край», где жил народ, «тонувший» в «потоке крови», и всей душой полюбил «братьев-армян», протянув им руку помощи в горестные для них дни. Сам Городецкий с большой гордостью не раз говорил: «Я считаю себя продолжателем славного дела Валерия Брюсова. Он ещё более подружил Россию с Арменией. Я укрепил эту дружбу стихами и работой на фронте»².

Выражением этой деятельности Городецкого является и сборник стихотворений под названием «Ангел Армении», посвящённый Ованесу Туманяну.

«Вам, светлый друг, я посвятил эту книгу не только потому, что я до края сердца очарован вашей личностью, но и потому, что ваше имя — это идея, прекрасная идея армянского воскресения в дружбе с моей родиной», — писал С. Городецкий.

Выражение Брюсова о том, что «стихи всегда исповедь, в каждой из них есть частица души поэта», целиком и полностью относится к книге Городецкого. По примеру и по наставлению Туманяна, давшему ему путёвку в поэтическое познание Армении, Городецкий в своих творениях воспел всё, что увидел воочию и что лично прочувствовал и пережил на Ванском фронте. И уже в силу этого стихи его были глубоко правдивы, убедительно реалистичны.

«Ангел Армении» открывается стихотворением «Армении», за которым следует «Арчак». Здесь в высокохудожественных образах воспевается деревня под этим названием, её живописные окрестности и лазурное озеро, напоминающее по своей красоте озеро Ван. Но тяжела жизнь народа, живущего на лоне этой прекрасной природы. Чтобы спастись от турецкого ятагана, жители Арчака, покинув свои родные пепелища, полные ужаса и тревоги, находят приют в горах и долинах. «Где вы, весёлые, жизнерадостные девушки и юноши, где ваши радостные задушевные песни!» — с горечью в сердце восклицает поэт. На фоне

¹ Там же, стр. 320.

² «Дружба», т. II, стр. 325.

цветущих садов и стройных тополей отчего края поэт воспеваает измученных сыновей — беженцев, лишившихся щедрых благ этой земли.

С каждым утром тополя
Расцветают краше.
О, армянская земля,
Мученица наша!
Вот опять идёт весна.
Где же дети, девы?
Гладь озёрная ясна.
Где армяне, где вы?

Велико горе скорбящего васпураканца, оно заставило даже Ванское озеро затмить свой ясный лик. Цветущие сады и поля залились потоками крови. Умолкли радостно щебечущие птицы, не поют соловьи. Окутано чёрным туманом и гордое чело горы Сипан. Природа родной страны в стихотворении Городецкого выражает горестное душевное смятение героев. Долина Васпуракана как бы оттеняет картины кровавых преступлений.

Со страниц этой небольшой книги перед читателем встают образы васпураканцев, полные скорби, гнева и чувства мести. Эти картины правдивы, глубоко пережиты поэтом и в силу этого властно захватывают читателя, погружая его на дно «безбрежного моря армянского горя». Сила правды велика, и муза поэта остаётся верна этой правде.

В стихотворении «Путница» воссоздан обобщающий образ армянки-беженки, уходящей сквозь бедствия и невзгоды на чужбину, далеко от родных мест.

Поэт покинул родные мирные русские степи, чтобы шагать рядом со своими героями, братьями-армянами по стране, «звонящей огнём и кровью», чтобы облегчить их горе и заботы, утешить в горестные дни их трагического бытия:

Я дал ей мёду и над мёдом
Шепнул, чтоб слаще жизнь была,
Чтоб над растерзанным народом
Померкнуло созвездье зла.

Чуткое внимание к чужому страданию сделало Городецкого поэтом-гуманистом, чьё сердце не переставало «чужою скорбью болеть»...

В стихотворениях этого сборника поэт рисует образы страждущих васпураканцев. «Сад» — так называется одна из трогательных песен Городецкого. Безлюден этот райский сад; нет тех, чьими руками он был посажен и возделан: труженики убиты, девушки похищены. «Где вы, труженики родимых полей и нив? Где вы, братья мои?» — с горечью вопрошает поэт. Не раз Городецкому приходилось наблюдать душераздирающие картины. С первого же дня вступления в город Ван перед его глазами проходили кошмарные видения дантова ада. Вот что пишет он в своих воспоминаниях о первой поездке в Ван.

«Мой конь, сорвавшись с узды, помчался в сторону, в сады... Айва, персики и яблони роняли последние розово-белоснежные лепестки. Мой конь ворвался в такой сад. В нём бродила девочка лет пяти с вишнёвыми глазами. Она доверчиво подошла ко мне и сказала: — Шамирам.

Сзади неё стояли руины дома... За ней шла кошка — они никогда не покидали развалин... Вот они, сады Семирамиды! — подумал я. — Сама царица этих садов Шамирам встречает меня.

Я взял её на седло, и это был первый ребёнок, которого я привёз в только что организованный приют.

...В пути рожали и умирали. Помню старика, который кричал:

— Я умираю! Положите меня на землю! Я хочу умереть на родной земле»¹.

Вот далеко не единственные эпизоды, о которых рассказывает поэт. И всё же вера и надежда на спасение армян никогда не покидали его. Этим оптимизмом пронизаны многие стихотворения сборника «Ангел Армении». У человека, видевшего и пережившего столь трагические картины, было велико чувство гнева против тех, кто был повинен в этом неслыханном преступлении. Поэт не упоает на бога, он требует мести:

Не заветные молитвы
Бытия, —
Песни мщения и битвы
Жгут меня.

Ведущей темой сборника, как уже было отмечено, являются погромы, разруха, смерть, и всё это выражается разнообразными поэтическими средствами и формами, которые рассеивают однообразие темы. В этом отношении примечательно стихотворение «Руки девы». Это тонко очерченная, глубоко драматическая картина, полная контрастов. На фоне цветущих садов Айгестана поэт рисует трагический образ убитой армянки, брошенной на пороге разрушенного дома.

Она упала у двери дома —
Руками к саду, где тишь и дрёма,
Над нею курды друг друга били.
Над ней глумились. Её убили.
· · · · ·
· · · · ·
К земле склоняюсь — трава ночная
Молчит сурово, росу роняя.

Как в остальных творениях поэта, и здесь природа одухотворена и персонифицирована. Дереву, цветку, траве сообщены человеческие чувства: «Трава ночная молчит сурово, росу роняя».

«На небе — рай, на земле — Ван», — так восхваляет поэт страну, с которой он успел сродниться и горячо полюбить. Без такой родственной близости он, пожалуй, не сумел бы создать проникновенные песни о природе Васпуракана. Будучи очевидцем тяжёлой трагедии народа, живущего в этой прекрасной стране, поэт остро переживает его горести.

Я с вами томился и плакал,
Я с вами упился цветеньем,
· · · · ·
Нет, сырыми вас не покину...

Сборник «Ангел Армении» завершается одноимённым стихотворением. В нём даётся символический образ ангела-спасителя. С огромной художественной силой поэт карает извергов, предвещая свободу народу-мученику.

Любопытно отметить, что образ ангела, созданный Городецким, вопреки традиционному представлению о некоем белокрылом избраннике неба, простирает над порабощённой Арменией алые крылья, символизирующие месть и борьбу. Ангел-спаситель предвещает ей свободу, призывая её героических сынов вернуться к жизни, подобно птице Феникс, воскресшей из пепла.

¹ «Дружба», т. II, стр. 323.

Очевидец невыразимых страданий армянского народа, ангел-спаситель Городецкого выступает в образе гневного мстителя.

Был гневен ангел. Взор его пылал,
Как молнии неудержимых гроз.
И словно пламень, замкнутый в опал,
Металось сердце в нём, алее роз.

Ангел мести одновременно и провозвестник новой жизни. Его чело озарено блеском восходящего солнца, его уста струят водопады слов, призывающих к возрождению армянского народа:

Восстань, страна, из праха и руин!
Своих сынов рассеянных сомкни
В несокрушимый круг восторженных дружин!
Я возвещаю новой жизни дни.

Стихотворение завершается повторяющимся образом семицветной радуги, как бы символом сплочения угнетённых народов. Несмотря на большой объём, оно читается с неослабевающим интересом. Всё стихотворение пронизано высоким пафосом в сочетании с глубоким лиризмом и образностью.

После 1918 года деятельность Городецкого как поэта вступает в новый период. Вернувшись с фронта на родину, он продолжает свой творческий труд, заняв достойное место в русской поэзии. Но и в этот период поэт не забывал Армению, образ которой всегда носил в сердце и в памяти.

В повседневной творческой жизни Городецкий пристально следил за развитием армянской поэзии. В дальнейшем поэт не раз выступал пропагандистом и популяризатором армянской поэзии, не выпуская из поля зрения и западноармянских поэтов. В статье о Варужане, напечатанной на страницах «Кавказского слова», Городецкий метко называет книгу армянского поэта «Сердце племени» молитвенником каждого повстанца в Турецкой Армении, где «право на жизнь было утоплено в крови с благословения Европы»¹.

Говоря далее о прославленных книгах Варужана — «Языческие песни» и «Песня хлеба», Городецкий по праву считает автора этих бессмертных творений достойным стоять рядом с лучшими представителями русской и западноевропейской классики. «Сивасский мужик, выросший в условиях невыносимого режима, создаёт утончённейшую поэзию, общечеловеческие мотивы которой вплотную подходят к самым светлым откровениям европейской и русской мысли»².

С такой же любовью и благоговением не раз писал и говорил Городецкий о Туманяне: «Мало было на земле поэтов такой чистой души, такого большого сердца, такой кровной близости к народу, такого чудесного песенного таланта». Городецкий судил о Туманяне не только как о большом поэте, но и как о «высоком друге» и учителе.

«Не могу не упомянуть, — пишет Городецкий, — что именно он научил меня понимать диалектику “рабаи” — самой народной на Востоке формы, требующей абсолютного слияния мысли с формой и противоречивого расположения мыслей в четырёх строках. И я впервые на русском языке написал цикл стихов в форме “рабаи”, учась ей на переводах “рабаи” моего учителя... Он меня звал к эпической поэме большого масштаба на базе народного эпоса... Сколько раз он поощрял меня на создание поэм, а не отдельных стихотворений! —

¹ «Дружба», т. II, стр. 328.

² С. Городецкий, «Кавказское слово», 1919, № 41.

На темы народного эпоса! Я вспомнил эти его заветы много позднее, когда работал над созданием текста для музыки М. Глинки “Иван Сусанин”»¹.

Городецкому был близок и дорог и другой корифей новой армянской поэзии Аветик Исаакян. Хорошая муза Исаакяна не раз вдохновляла русского поэта. С Варпетом побратался в песнях и друг Городецкого Александр Блок, лучший переводчик Аветика Исаакяна.

В 1941 году Городецкий написал стихотворение «Братьям-армянам» с дарственной надписью «Аветику Исаакяну». В нём он излагает в поэтической форме всю историю армянского народа, считая Армению одной из колыбелей культуры народов.

Городецкий переводил преимущественно тех поэтов, которые были родственны его душе или, как он сам говорил, были «поэтами по голосу». Такими поэтами явились для него армянские классики и, в первую очередь, Туманян. Переводы его созданы по принципу «отдаляясь, приближаться к подлиннику».

На протяжении всего творческого пути лира поэта никогда не исторгала неверных звуков, муза его всегда подчинялась интересам народа. Он принимал близко к сердцу страдания не только русского народа, но и всего страждущего человечества. И разве не за это снискал он любовь и уважение не только у себя в России, но и у нас в Армении? Поэт всегда с гордостью вспоминал, что Армения его второй отчий дом. «Великой моей гордостью и радостью было и есть то, что я могу войти в любой дом в Армении и встретить там ласку и уют»².

Имя Сергея Городецкого прочно и навсегда утвердилось в сердце армянского народа, которому он в минуту великих бедствий протянул руку помощи.

¹ «Дружба», т. I, стр. 99 — 100.

² «Дружба», т. II, стр. 325.

СЕРГЕЙ ШЕРВИНСКИЙ

С Арменией и с её многовековой литературой нерасторжимыми творческими узами связан поэт Сергей Васильевич Шервинский. Приобщил его к армянской поэзии Валерий Брюсов, имя которого он вспоминает всегда с великим благоговением. Знакомство это состоялось в 1915 году, когда Брюсов трудился над созданием антологии «Поэзия Армении». К участию в переводах для антологии были привлечены Бальмонт, Сологуб, Блок, Вячеслав Иванов, Бунин, а также молодые поэты-переводчики, среди которых был и С. Шервинский. Ему Брюсов поручил переводы из западных армянских поэтов, в том числе Варужана и Сиаманто, павших в том же 1915 году жертвой геноцида.

«Так по воле моего учителя, — пишет Шервинский, — я вошёл во дворец армянской литературы через его западный портал, и дверь была отомкнута окровавленным ключом». Впоследствии Шервинский сроднился с армянской поэзией, чему в большой мере способствовало и знакомство русского поэта с историей Армении, полной героических подвигов гонимого судьбой народа.

«Истинного изумления достойно то, — писал Шервинский, — как армянский народ под испепеляющим огнём бедствий... отстаивал свою родную землю, защищал окровавленной грудью свою веру, свой язык, ставшие для него символами независимого существования. Всякий, кто знает об этой вековой борьбе, неизбежно приобщается к ней».

После этого книжного знакомства поэта последовало и его живое общение с народом, когда в 1926 году он приехал в Армению. «Моё сердце нашло общий язык с её опалёнными солнцем склонами, с её камнями и потоками: её древняя архитектура заявила о себе как о драгоценном звене в общем развитии восточноевропейского зодчества; навсегда запали в память мелодии армянских песен...» И так, от знакомства к близости был всего один шаг, и этот шаг был сделан.

О своей особой любви к Айастану он не раз говорил и писал: «Когда мне говорят — Армения, в душе возникает что-то интимно-близкое, отложившееся драгоценным отстоем на дне души. Именами Исаакяна и Сарьяна мне всегда хочется гордиться, как родными». Давно и весьма правильно замечено, что любовь рождает песни, и песни Шервинского рассказывают об этой большой любви поэта к Армении.

В стихотворениях «Осень над Ереваном», «За колхозным столом» поэт рисует картины природы любимой Армении и жизнь её людей. В стихотворении «Деревенская зима» живописуется манящий певца зимний пейзаж Армении:

А я люблю пустынный Алагяз,
Когда одетый донизу снегами,
Он отрешённо смотрит в синь небес,
И лишь Касах змеится под ногами.

Да, зима по-своему хороша, но осень, ереванская осень ещё краше: когда солнце не жжёт, как это бывает летом, а ласково греет, когда Араратская долина щедро накрывает столы янтарным виноградом, «чудо-персиками», когда «ликующим пожаром пылают поля», — тогда и у живописца, и у поэта зреют хвалебные песни о людях, создавших эти блага на радость человеку. Поэт, вкусивший эти дары армянской земли, слагает свои восторженные песни.

По старине, без серебра богатый
Накрыла стол не осень ли сама?
И жёлтый сыр, и зелень, и томаты,
Соседствуют шашлык и каурма.

В те дни рука уже привыкла наша
Обрызганный завёртывать рехан
В хрустящую закрутку из лаваша
И подымать искрящийся стакан.

Но вскорости стаканов и приветов
Забылся счёт. Был каждый — сват и брат.
Запели громко. Нежно-алым светом
Ласкал глаза вечерний Арарат.

Вечно манящий Арарат в стихах С. Шервинского встаёт как символ славы Армении. В стихотворении «Осень над Ереваном» поэт выражает свой восторг вечерней панорамой армянского небосвода, залитого золотом «космической игры»:

Если вечером взойдёшь на Норк
И помедлишь у оград булыжных,
Обеспечишь памяти восторг
Нескольких мгновений непостижных.

В золоте космической игры,
Над туманом стынущей пустыни
Араратов сдвоенных шатры
Станут вдруг, как синий кобальт, сини.
Миг — и чудо гаснет. Ночь идёт.

В поэтической тетради Шервинского есть и другие песни, рождённые той же искренней любовью поэта к «своей Армении».

Особенно много потрудился на ниве армянской поэзии Шервинский как переводчик. В течение многих лет он бережно и любовно переплавляет на русский язык творения армянских собратьев по перу. Охват поэта в этой области широк и разносторонен. Эпос, лирика, проза — лучшие образцы многовековой армянской литературы были переведены им на русский язык. Это и эпос «Сасунские богатыри», и образцы из средневековой армянской лирики, и переводы стихов Саят-Новы, Абовяна, Налбандяна, Туманяна, Исаакяна, Терьяна, Варужана, Сиаманто — вот далеко не полный перечень его переводов. Следуя примеру своего учителя Брюсова, Шервинский знакомился с армянским языком, работа его над переводами протекала на фоне широкого ознакомления с армянской культурой.

В результате такого серьёзного и вдумчивого подхода эпос о сасунских богатырях распахнул перед поэтом-переводчиком «врата в духовную жизнь целой нации». Шервинский подметил в нём «высокую нравственность, демократизм и любовь к родной земле, составляющих неопределимую триаду, лежащую в основе армянской литературы».

Рассматривая армянский эпос на фоне мировой литературы, Шервинский замечает, что само повествование, богатое сценами, достойно Библии и Шекспира. «Стало очевидным, — пишет русский поэт, — что этот эпос стоит не только в ряду величайших эпосов мира, но что он превосходит Песню о Роланде и Нибелунгов, и даже Гомера своей нравственной стороной». Имея дело с таким величественным литературным памятником, Шервинский с чувством большой ответственности перевёл его на русский язык. С такой же любовью работал он и над переводом «Давида Сасунского» Туманяна.

Однако венцом переводов из армянской литературы по праву надо признать художественный перевод на русский язык романа Абовяна «Раны Армении», являющегося манифестом армянской литературы XIX века. «Раны Армении», по определению Исаакяна, «это буря, вырвавшаяся из пламенного сердца». Как Масис, безмолвный веками, в 1840 году

изверг бушующее пламя, точно так же и Абовян в том же году своей книгой вызвал бурю в душе армянского народа и, подобно тому, как молния рассекает тьму, осветил путь спасения, путь борьбы за независимость народа. С этой «бурей» и должен был справиться русский переводчик. Роман Абовяна весьма сложное произведение. В нём скрещиваются элементы разных направлений и жанров. «Но чем сложнее была поставленная задача, — пишет Шервинский, — тем с большим воодушевлением я принялся за этот труд, и едва ли какую-либо литературную работу я выполнял с таким напряжением и подъёмом».

Благодаря вдумчивому изучению романа, Шервинский проник в творческий тайник автора, всесторонне осветив для себя и ряд сложных вопросов его мастерства. От взора переводчика не ускользнуло творческое родство между эпосом «Давид Сасунский» и романом «Раны Армении». Конечно, «в новом преломлении, но с ещё большим накалом». «Огонь бедствий, — замечает Шервинский, — обжигал чувствительнее, ибо полыхал ближе. Страдания народа не были остужены эпичностью повествования. Среди ран Армении зияла рана самого автора». Угадывая это сквозь ткань дословного перевода романа, Шервинский приступил к переводу. Труд переводчика не был обработкой подстрочника. Это поистине «было создание нового поэтического текста».

Поэт-переводчик хорошо знал и то, что работать над «Ранами Армении» равнодушно — значило обречь себя на неудачу. Он сроднился с Абовяном. Сердце его стало биться в унисон с сердцем Абовяна. Читатель русского перевода романа воочию убеждается, что перевод не «остужен эпичностью повествования». Ведь известно было Шервинскому, с каким творческим экстазом творил Абовян свою книгу. «Словно некий огонь, — писал Абовян, — возгорелся во мне... Ни хлеб, ни еда какая-либо не шли мне на ум... Армения, словно ангел, стояла передо мною и придавала мне крылья...» С большим волнением и сочувствием выполнялся перевод романа. «Приходилось иногда откладывать в сторону текст и бумагу, — признаётся Шервинский, — настолько всё описываемое в книге переполняло душу. Терялось творческое равновесие. Не без труда удавалось прислушаться к той гуманистической доминанте, которая звучала сквозь стоны стариков, слёзы невест и крики терзаемых подростков... Чистый душой Агаси вставал в воображении новым воплощением Давида...»

Вряд ли кто из известных нам поэтов мог бы настолько сродниться с Абовяном и так удачно преодолеть трудности, стоящие перед переводчиком.

Многое сделал Шервинский и в деле ознакомления своих соотечественников с перлами армянской поэзии. Шервинский всегда старался воссоздать подлинник во всей возможной полноте и точности. Тем не менее не все переводы равно удачны. Лишь тогда, когда по требованию Аполлона поэт приносит ему «священную жертву», совершается в его творчестве поэтическое чудо.

Мы уже указывали на некоторые из образцовых переводов. К ним следует отнести и «Письмо тоски», и «Наложницу» Варужана, а также поэму Исаакяна «Родная земля». Ведь «труд выполнялся, — признаётся Шервинский, — так сказать, на глазах у автора», а это значит, что переводчик переводил поэму с «повышенной настроенностью».

Представляют интерес и его статьи, предисловия к книгам армянских поэтов (Туманяна и других). Они привлекают читателя интересными, меткими определениями, тонко подмеченными чертами поэтического облика писателей и существенных сторон их творчества, которые порою оставались незамеченными даже специалистами.

Сергей Шервинский — поэт-переводчик, литератор, искусствовед, знаток ряда древних и новых языков и литератур Запада и Востока, заслуженный деятель культуры Армянской ССР — вот уже полвека неустанно трудится и на ниве армянской литературы, как некогда самозабвенно трудился и его учитель Валерий Брюсов.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Путешествуя по Советской Армении, где ещё видны были следы опустошительных набегов иноземных поработителей, Максим Горький писал: «...Помимо воли память воскрешает трагическую историю Армении конца XIX — начала XX веков... Ужасы турецкого нашествия последних лет, — трудно вспомнить все трагедии, пережитые этим энергичным народом»¹.

Испытав все ужасы нашествия, жизнестойкий армянский народ, подобно сказочному фениксу, воскрес из пепла и начал новую жизнь, развивая бурное строительство.

«Эта стройка, — писал Горький, — первое, что бросается в глаза, когда подъезжаешь к Эривани... На фоне хмурой массы среброглавого Арарата, в шапке красноватых облаков, этот город издали вызвал у меня впечатление заключённого в клетку строительных лесов, на которых муравьиные фигурки рабочих лепят новые здания, как будто непосредственно из каменной массы библейской горы»².

Именно такую Армению воспевают Николай Тихонов — Армению, которая, словно богатырь Давид Сасунский, гигантскими шагами движется вперёд.

Знакомство Тихонова с Арменией началось с её литературы, представленной в «Сборнике армянской литературы» под редакцией М. Горького и особенно в «Поэзии Армении» В. Брюсова.

«Я схватился за книги, за стихи армянских поэтов, и меня поразил человек, которому армяне обязаны созданием армянской письменности. Этого мудреца звали Месропом Маштоцем». Весьма примечателен тот факт, что в первые же дни пребывания в Армении Н. Тихонов с благоговением посетил могилу великого просветителя, «от горстки праха которого ещё благоухает целое небо». Вслед за великим Маштоцем Тихонова поразил Григор Нарекаци и целая плеяда армянских поэтов средневековья: вольнодумец Фрик, очаровательный певец любви Кучак и гениальный Саят-Нова.

Тихонов восхищался великим просветителем Абовяном, чародеями армянской поэзии Туманяном, Исаакяном, Чаренцем, которые стали для него, как признаётся сам писатель, поистине любимыми поэтами. Книги этих певцов пробудили глубокий интерес к Армении. И он посетил эту страну, чтобы познать её. По собственному признанию поэта, земля армянская, «скреплённая потом и кровью», стала для него дивным заветным краем.

«Замечательная страна — Армения, там поэтов много. Я тоже как-нибудь попаду в те края», — говорил Есенин другу Тихонова, Вольфу Эрлиху, вместе с которым Тихонов приехал в Армению вторично. «Когда я впервые вышел на простор армянских гор, — писал Тихонов, — я не переставал удивляться их чудесам». Тихонов познавал Армению не с птичьего полёта, а исходил её вдоль и поперёк, начиная с Гегамского хребта, откуда он увидел великолепное зрелище — озеро Севан.

«Далеко под нами лежал, меняя цвета, весь целиком видный могучий Севан. То он был изумрудно-зелёным, то синел густой тяжёлой синевой, по которой пробегала тень низкого облака». Любитель гор пешком добрался до неповторимых памятников нашего былого зодчества — Гарни и Гегарда, затем спустился с этих высот в Араратскую долину, посетил Эчмиадзинский храм и развалины Звартноца. Обо всём этом поэт писал в своих путевых заметках «Дни открытий».

Тихонов познал не только развалины дворцов и храмов, но и жилища тружеников этой страны, выжимавших свой хлеб насущный из камня. Армения и её народ-труженик стали с

¹ «Горький и Армения», Ереван, 1968, стр. 41.

² Там же, стр. 43.

тех пор для поэзии Тихонова источником творческого вдохновения. Стихи его, посвящённые Армении, немногочисленны, но все они написаны с большим поэтическим накалом. В каждом стихотворении «частица моей души», «каждое из них глубоко пережито мною». Именно такими словами Брюсова можно сказать о творениях Тихонова.

«Армения» — так называется одно из ранних стихотворений, написанное ещё в 1924 году. Меткими образами, сравнениями и метафорами воспекает русский поэт нашу высокогорную страну:

В ладонях гор, расколотых
Стозвучным ломом времени,
Как яблоко из золота,
Красуется Армения.

В последующих строках стихотворения, являющегося гимном природе и человеку, встаёт обобщённый образ армянского труженика, благодаря созидательному труду которого в корне меняется облик страны. Этому способствуют воцарившийся мир и свобода на армянской земле, когда «подрублены клыки войны и пламени», а горные реки превращаются в источник энергии. Стихотворение завершается противопоставлением Армении «азийской глубины» племён:

Перед азийской глубиной
Племён, объятых ленью,
Форпостом трудолюбия
Красуется Армения.

Темой поэзии Тихонова послужили не только Армения, её природа и её народ, но и полюбившиеся поэты, и в первую очередь Туманян и Исаакян, о которых Тихонов никогда не писал с созерцательным спокойствием.

В стихотворении «Армения вставала откровеньем» поэт сопоставляет два мира: «высокогорную Армению, в своей красе суровой неспроста», и столь же величественный мир поэзии Туманяна, манящий, влекущий к себе «на песенных высотах отдохнуть». При чтении «сверкающих строк Туманяна» перед глазами поэта встаёт та же страна с её величавыми пейзажами.

Лирический герой этого стихотворения — сам поэт Тихонов. Стихотворение выражает его думы об Армении, его любовь к этой стране, преклонение перед Туманяном, чья поэзия характеризуется здесь как звено, связующее «людей и землю сказочных высот» с родной страной.

Армения вставала откровеньем
в своей красе суровой неспроста.
Мы шли с утра, как будто по ступеням
гигантского Гегамского хребта.
Шли между скал, и всплесками тумана
вёл над Севаном, точно в небо, путь,
как будто звал нас голос Туманяна
на песенных высотах отдохнуть.

Строки тихоновского стиха, отдающие тяжёлым медным звоном, согреты чувством искренней любви к Армении и к великому поэту этой страны.

Кто ещё из поэтов вслед за Туманяном так сказочно, так красиво и живо воскресил и запечатлел в своих творениях древнюю и новую Армению, её «мудрость веков»? Есть ли такая песня об Армении, которая всё это вами пережитое и пережитое передаёт с

поэтической силой, покоряющей человеческое сердце раз и навсегда? Сам же поэт отвечает на этот вопрос: «Да, есть такая песня об Армении, и она рождена прекрасным поэтом Армении. Всё творчество Аветика Исаакяна — такая песня о прошлом, настоящем и будущем Армении».

Поэзия Исаакяна — это зеркало души армянского народа, правдиво отображающее его облик. Сила этой чарующей лирики, по мнению Тихонова, в том, что он «своё самое интимное может сделать всеобщим, и кажется — всегда были эти песни, эти маленькие стихи, они жили в народе задолго до поэта, и он только подслушал и записал их». Тихонов прав: стихи Исаакяна действительно настолько близки по духу к народной поэзии, что поются в народе. Ими народ выражает свои помыслы и чувства, даже не задумываясь над тем, кто их автор: народ-поэт или поэт народа.

Личное знакомство Тихонова с Исаакяном ещё больше сблизило русского писателя с великим армянским поэтом, искренняя любовь к которому выражена в стихотворении, посвящённом Аветику Исаакяну:

Послушай хор сердечных голосов
На высоте прозрачным утром рано;
То песня гор, полей, ручьёв, лесов
Иль то стихи звучат Исаакяна...

Песни Исаакяна, как отмечает Тихонов, так слиты в один напев с голосами природы, что трудно определить, природа ли поёт голосом Исаакяна, или поэт — голосом природы.

«Стихотворный родник» — таким метким определением завершает Тихонов своё посвящение Аветику Исаакяну.

* * *

Говоря о стихотворениях Тихонова, посвящённых Армении, следует упомянуть и о его переводах из армянской поэзии. Переводы наравне с оригинальными произведениями выражают переживания поэта-переводчика, и в этом смысле они являются столь же самостоятельными, сколь и любое оригинальное произведение автора перевода. Тихонова вдохновляли не только армянские поэты, но и безымянные народные певцы, творения которых он с любовью переводил. Поэт глубоко вник в суть этих песен и в своих переводах правдиво воссоздал их сущность, донёс тем самым до русского читателя всю прелесть, безыскусственность, эмоциональность и образность армянских народных песен, покоряющих читателя своей простотой, теплотой и непосредственностью.

К числу таких переводов относятся известные «Песня бездомного», «Плач матери», «Колыбельная песня» и другие.

Соловей над горой,
Твой отец под землёй;
Твоя люлька — камыш
Да пещерная тишь.
· · · · ·
Бай-бай, малыш, бай-бай, дитя,
Бай-бай, цветок, бай-бай, сынок.

Так просто, безыскусственно и поэтично звучат его переводы из народной лирики. В них сохранён и ритмический строй речи оригинала, и размер, и вся образная система. Из поэтов XIX века Тихонов переводил Иоаннеса Иоаннисиана, Аветика Исаакяна, Ваана Терьяна и многих других. Следует отметить, что поэт переводил то, что ему нравилось, что было ему «по голосу».

Следует упомянуть перевод знаменитого стихотворения Наапета Русиняна «Киликия», которое вместе с «Крунком» безымянного автора не сходит с уст армян, находящихся на чужбине. Тихонову удалось проникнуть в душу армянских странников, понять, до какой степени велика их тоска по родине и передать в своём переводе, что обездоленный пандухт только на родине найдёт пристанище и свободу.

Когда откроем вход мечте,
Зима умчится из страны,
Страна моя Армения,
Все дни твои ясны.

Когда все ласточки в гнезде,
Когда деревья все в весне,
И я хочу в Киликию,
В край, давший солнце мне.

.
Когда покроет песню лёд,
Любовь простится при огне,
Я — на покой, к Киликию,
В край, давший солнце мне.

Из лирики А. Исаакяна русский поэт перевёл стихотворение «Нет тебя, душа отчизна, краше». Задолго до Тихонова оно было переведено Вячеславом Ивановым, позже — Т. Спендиаровой. Перевод Тихонова более удачен, но, к сожалению, и он не воспроизвёл всей поэтичности оригинала, которая вообще нелегко поддаётся передаче на другой язык. Тихонов перевёл и «Колокол свободы» Исаакяна. Это стихотворение было переведено и поэтами Бальмонтом и Сельвинским. Бальмонт перевёл его со всей свойственной ему напевностью и звучностью. Переводы же Сельвинского и особенно Тихонова больше передают внутреннее социальное звучание исаакяновского стиха, являющегося набатом, призывающим народы Кавказа к единению и дружбе.

Из поэзии Исаакяна в дни Великой Отечественной войны Тихонов перевёл самое проникновенное и эмоциональное стихотворение этого цикла. Речь идёт о «Дне великой победы». Оно переведено и Шервинским.

Меч в ножны вложили достойно мы,
Великой победы день наконец,
Разбили всю вражью мы силу тьмы,
Песни звучат, как веселье сердец.

.
Хозяин на улице стол накрыл,
Стаканы налил золотым вином.

.
Пьют и на лицах веселье горит,
Звонко стакан лишь стучит о другой,
Тихо один тут отец говорит:
«Пью за сыновьей души упокой!»

Русским поэтам-переводчикам удалось передать не только содержание, но и эмоциональную силу подлинника. Жизнь, борьба, победа, радость и ликование, самопожертвование, героическая смерть — поэтическим выражением всего этого и является стихотворение

«День великой победы». Последние строки его, пронизанные грустью, сменяющей всё нарастающее чувство победного ликования, конечно, трогают читателя, но эта грусть оптимистична, она лишь сильнее оттеняет величие победы, во имя которой были принесены великие жертвы.

* * *

Восторженным певцом Армении остаётся Тихонов и в своих статьях об армянских поэтах и прозаиках — о Саят-Нове, Ширванзаде, Туманяне, Исаакяне, Чаренце и других. Тихонов пишет об этих чародеях пера с глубоким и разносторонним знанием фактов их жизни и творчества не как летописец или историк, а как взволнованный поэт. Они подчас представляются Тихонову и как герои романа. В его статьях о Саят-Нове мы читаем: «Можно написать большой роман о жизни Саят-Новы, и этот увлекательный богатый характер предстанет во всей щедрости сил, отпущенных ему природой»¹.

Помимо творчества поэта, Тихонова интересует его облик, подробности его жизни. Но, замечает он, «не всегда возможно это узнать... И мы можем дополнить воображением его путь сквозь годы и страны...». В статье, озаглавленной «Гремучий ключ», Тихонов, большой интернационалист, высоко оценивает гениального ашуга XVIII века — певца дружбы народов: «Его многоязычное творчество сегодня является символом единения и дружеского сотрудничества поэтов Армении, Грузии, Азербайджана. Он ещё в далёкие времена провозгласил дружбу этих народов. Саят-Нова — поэт милостью божьей и, естественно, мощь и сила его многогранного таланта особо подчёркиваются Тихоновым, с любовью внимавшим «страстным звукам этого высокого поэтического голоса».

В этой же статье Тихонов на первый план выдвигает также глубокий реализм великого ашуга, который всегда оставался поэтом, воспевающим «большие невымышленные человеческие чувства». Находясь под впечатлением могучих звуков симфонии Саят-Новы, Тихонов писал: «Голос, дошедший до нас, звенит, и гремучим ключом кипят драгоценные поэтические строки Саят-Новы». Саят-Нова — поэт первоклассный, к памятнику которого, как замечал в своё время и Брюсов, «не зарастёт народная тропа».

«Могучий талант» — так озаглавил Тихонов другую статью, посвящённую классике армянской литературы Александру Ширванзаде. Статья эта написана «в созерцательном тоне», ибо здесь поэт Тихонов ведёт разговор о писателе-прозаике. Величие Ширванзаде Тихонов видит не только в его могучем таланте, но и в силе его обличающе «трезвого реализма». На первый план выдвигается гуманизм Ширванзаде, его сочувствие к человеческому страданию, любовь «к малым людям, несущим ежедневный тяжёлый труд». Тихонов не забывает сказать в полный голос и о мастерстве писателя, о его творческой лаборатории, об истории создания его романа «Хаос». Тем самым перед читателем встаёт целостный образ великого армянского писателя.

Любовь Тихонова к армянской литературе проявляется с особой силой, когда он пишет о Туманяне, Исаакяне и Чаренце. С двумя последними он находился в живом общении и постоянном контакте. Тихонов любил их безгранично и в свою очередь снискал их любовь и уважение и как поэт, и как человек. О Туманяне Тихонов писал не раз в таких статьях, как «Немеркнувшее имя», «Слово об Ованесе Туманяне» и других. В этих взволнованных выступлениях выражены восторг и любовь русского певца к национальному поэту Армении, который сравнивается с гением русской литературы Пушкиным. «Он сам, — пишет Тихонов, — был армянским Пушкиным, он сам весь свет и мужество... Его сказки по силе равны пушкинским».

¹ Н. Тихонов, Дни открытий, Ереван 1970, стр. 187.

В лице Туманяна Тихонов видит подлинного гражданина, гуманиста, заступника голодных и нагих сирот и, наконец, поэта, творчество которого является воплощением лучших черт национального характера. «Он, — пишет Тихонов, — показал, кто такие армяне, какое в прошлом величие было их гордостью, каким титаническим трудом создали они в каменных ущельях свою цветущую родину. Он писал как пламенный летописец, который обязан сохранить, спасти от исчезновения пленительное народное слово... Ованес Туманян был голосом, совестью, духовной силой своего народа... Он — поэтический спутник всех возрастов... добрый друг, мудрый наставник»¹. Такими точными эпитетами характеризует Тихонов Ованеса Туманяна.

С той же необычайной теплотой и любовью очерчен портрет Ав. Исаакяна в очерке Тихонова об Исаакяне, впервые вышедшем как предисловие к московскому изданию его двухтомника. Трудно дать чёткое определение, к какому жанру относится эта статья. В ней под рукою умелого мастера слились элементы различных жанров. Это и взволнованное слово о любимом поэте, и художественный очерк, начинающийся описанием красот нагорного пейзажа Армении.

«Неповторима красота Гегамских высот. Внизу, видный весь целиком, лежит зелёный, как изумруд, вделанный в каменный щит, могучий Севан...» — так начинается статья. Творчество Исаакяна Тихонов рассматривает как логическое развитие всей армянской литературы и народного творчества, равно как и лучших традиций мировой литературы. В статье Тихонова во весь рост встаёт образ армянского барда, тысячами уз связанного со своим народом, полного «великой любви к родной земле, к человеку, обездоленному и страдавшему в прошлом в мире зла и угнетения. Со школьной скамьи родилось в нём это глубокое чувство патриотизма, захватывающее его помыслы и мечты».

В этих строках раскрывается сущность поэзии Исаакяна во всей полноте её социального звучания. С понятным волнением пишет Тихонов о любви армянского поэта к великой русской литературе и, в первую очередь, к родственному ему по духу Лермонтову. «Я без слёз не могу вспоминать имя Лермонтова, человека, который в 25 лет стал мировым поэтом», — писал Исаакян. В своём взволнованном очерке Тихонов рассматривает Варпета не только как классика недавнего прошлого, но и как поэта современности, и это очень важно. «Поэт Исаакян входит в социалистическое общество не как спутник, а как строитель, не как сочувствующий, а как государственный деятель новой советской культуры».

Перу Николая Тихонова принадлежит статья о поэте революционной бури, о Чаренце, которого он знал лично, любил и высоко ценил как непревзойдённого поэта-новатора. Тихонов начинает с воспоминаний. «В 1924 году я впервые увидел Армению. Я жил в Ереване, совсем не похожем на сегодняшний». Сопоставляя старую Армению с новой, он отмечает, что подобно тому, как рухнул в Зангу с обрыва дворец сатрапов, так же кануло в вечность многое в жизни многострадального народа. Под раскатами грома, бури и натиска рождалось новое в литературе. На крыльях революционных событий поднимается и проносится слава о поэте — тогда ещё совсем молодом Чаренце.

Поэт, рождённый грозой революции, вносит в своё творчество огонь революционного пафоса и глубокий патриотизм. Ведь он, как передовой боец, был участником жарких схваток Красной Армии против белых, а в поэзии своей выступал как командарм. Роль Чаренца в революционной поэзии страны Советов Тихонов сравнивает с ролью Маяковского. «Чаренц выглядел его братом по теме, по пафосу, по стиху, как бы созданному для площадей и улиц, полных революционных толп». Чаренц, замечает Тихонов, боролся против национальной самоограниченности, ибо в этом случае был бы узок диапазон его поэзии. Тихонов

¹ Н. Тихонов, Дни открытий, Ереван 1970, стр. 198.

в своей статье не умаляет также значение прозы Чаренца, отмечая, что «из него вышел бы не менее сильный прозаик».

Для создания полного портрета Чаренца Тихонов не обходит и его слабые стороны, но говорит о них с большим тактом. «Как человек, подверженный человеческим слабостям, и как поэт, подверженный смене впечатлений и даже противоречий, Егише Чаренц не был свободен от ошибок в своей творческой жизни». Констатируя этот факт, Тихонов в то же время склоняет голову перед непревзойдённым наследием Чаренца. «Егише Чаренц хорошо вспахал своим стиховым плугом поле во имя грядущего дня. И его поэтический урожай прекрасен».

Творчество Тихонова глубоко реалистично. Поэт пишет обо всём, что увидел в Армении воочию, полюбил и прочувствовал. «Я пишу то, что в действительности было и есть». Но это, конечно, не исключает творческой фантазии, без которой не может быть ни поэзии, ни творчества вообще. Поэта привлекает в Армении всё благородное, красивое, что окрашено романтикой. Его влечёт и вдохновляет не только величавый Арарат, прекрасный Севан и другие дивные картины природы, но и люди, творцы нашей культуры и литературы. Всё величавое и прекрасное превращается в тему для творчества самобытного поэта Тихонова.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

По признанию близких поэта, «Армения дала Осипу Манделъштаму второе дыхание, с которым он дожил жизнь». Побывал поэт в Армении лишь один раз — летом 1930 года. Но всю жизнь носил её в своей душе, где бы ни был.

Армения заняла достойное место в творчестве поэта. Читая его творения, чувствуешь любовь поэта к этой стране. Особенно покорили его восхитительное озеро Севан, дивное небо, бриллиантовые звёзды, которым нет числа. Да, Севан — чудо, приютившее поэта в знойные дни.

Во время путешествия по Армении перед ним вставали во всей суровой красе «гора из гор и царь всех гор Арарат», Алагяз. Поэта пленили и величественные памятники армянского зодчества — Звартноц, храм Рипсимэ, Гарни, Гегард, и, конечно, сам творец этих памятников — народ армянский. «Их грубая ласковость, их благородная трудовая кость, их неизъяснимое отвращение ко всякой метафизике и прекрасная фамильярность с миром реальных вещей — всё это говорило мне, — заявляет поэт, — ты бодрствуешь, не бойся своего времени, не лукавь...»¹. Следует, однако, заметить, что больше всего привёл его в восторг (и только ли его!) язык армянский, а ведь язык — это душа народа в её звучащей форме. И чтобы лучше познать душу народа, он стал изучать язык. «Армянский язык неизнашиваемый — каменные сапоги». И поэт утверждал, что «неутраченная армянская флексия — это и есть цветение языка... Могучий язык, на котором мы недостойны говорить, а должны только чураться в нашей немощи, я испытал радость произносить звуки, запрещённые для наших уст... Я привык смотреть на каждого армянина, как на филолога... Впрочем, отчасти это и верно. Вот люди, которые гремят ключами языка даже тогда, когда не отпирают никаких сокровищ»².

Любовь Манделъштама к Армении это не слепая любовь, а трезвая, знающая, за что любить этот энергичный, трудовой народ и его «царственный язык»³. Поэту довелось общаться не только с простыми рабочими, но и с лучшими представителями интеллигенции: Чаренц, Сарьян, Гамбарян, Ованесян и другие, о которых он пишет. Читателей поражают всевидящие зоркие глаза поэта, умеющие сходу уловить, тонко подметить все характерные черты, присущие данному человеку. И не только его внешний, видимый облик, но уловить и внутренний. Это особый дар человековеда, свойственный большому поэту-художнику.

Суметь выявить, а потом и суметь выразить дотоле не найденными словами, образами, эпитетами, наконец, суметь сочетать и простые обыкновенные слова так, чтобы они зазвучали впечатляюще, живо и образно — вот таким даром обладает истинный поэт Осип Манделъштам. Так, например, для того, чтобы обрисовать живой портрет названных людей, Манделъштам мог несколькими броскими словами, как мастер-ваятель несколькими ударами молотка по мрамору, вылепить их облики так, что они сразу врезались в память читателя, как, скажем, лучшие портреты Сарьяна, Суренянца или Эдгара Шагина.

Я знал этих людей и могу сказать, что лучше и безошибочнее нарисовать их портрет редко кто мог, как Манделъштам. В этом и сила его таланта. Писал он как хотел, а не так как мог. Так, например, он обрисовывает видного химика Гамбаряна, с которым ему довелось подружиться на Севане. «Химик Гамбарян, — пишет Манделъштам, — говорит по-армянски с московским акцентом. Он весело и охотно обрусел, у него молодое сердце и сухое поджарое тело. Физически это приятнейший человек и прекрасный товарищ в играх... С жен-

¹ «Литературная Армения», № 3, 1967, стр. 86.

² «Литературная Армения», № 3, стр. 87, 96.

³ Выражение В. Терьяна.

щинами он рыцарственный Мазепа..., а если врежется в спор, то горячится как фехтовальщик из франкской земли». А вот и живой, динамический характерный образ А. Ованисяна: «...В библиотеку вошёл пожилой человек с деспотическими манерами и величавой осанкой. Его Прометеева голова излучала дымчатый, пепельно-синий свет, как сильнейшая кварцевая лампа... Чёрно-голубые взбитые с выхвалю пряди его жёстких волос имели в себе нечто от корешковой силы заколдованного птичьего пера». Десятки лет зная и общаясь с Ованисяном, Сарьян, читая эти строки, мог бы позавидовать Мандельштаму, который пером написал так, как он кистью. А вот портрет Мамикона Геворкяна, директора Государственной библиотеки Армении. «Мамикон, пожевав отвислой губернаторской губой, прочёл своим неприятным верблюжьим голосом несколько стихов по-персидски. Эрудиция его чересчур шумная и напористая, а речь — жирная, адвокатская».

Мандельштам был весьма самобытным мастером слова, обладал своеобразным стилем, свойственным лишь ему. Вместе с тем, он был одарён и тонким юмором, и даже горькую пилюлю из его рук легко было принять. Так, например, он рисует портрет профессора Хачатряна из Карса: «Приглашённый на кафедру в Советскую Эривань, он перенёс сюда и свою преданность индоевропейской теории, и глухую вражду к яфетическим выдумкам Марра, а также поразительное незнание русского языка и России, где никогда не бывал». С особенно тонким юмором поэт рисует и образ А. Кариняна (бывшего председателя ЦИК Армении): «Этот самолюбивый и полнокровный человек, обречённый на бездействие, курение папирос и столь невесёлую трату времени, как чтение непостовской литературы, с видимым трудом отвыкал от своих официальных обязанностей, и скука отпечатала жирные поцелуи на его румяных щеках. Мотор бормотал — “не пито — не едено”, словно рапортуя товарищу Кариняну; островок быстро отбежал назад, выпрямив свою медвежью спину с осьмигранниками монастырей. Баркас провожала мошकारа, и мы плыли в ней как в кисее по утреннему кисельному озеру».

Вот ещё один — далеко не единственный — поразительный пример образного мышления Мандельштама: «Учёное начальство острова проживало на шоссе в молоканской Еленовке, где в полумраке научного исполкома голубели заспиртованные жандармские морды великаньих форелей».

В этом своём небольшом очерке «Путешествие в Армению» поэт много и поучительно рассказывает о Севане, о монастырях на острове и когда-то живших в них монахах, влачивших жалкое существование, об урартских надписях на скалах и о раскопках, проводимых археологами, и, конечно, об озере, меняющем свой облик в зависимости от погоды, восхищается «безбожным горением маков, ярких до хирургической боли». Читатель, даже живущий в Армении, поражается знанию Мандельштама нашего родного края. Много знал поэт и о Ереване, где ему пришлось глотать «едкую строительную пыль, которой славится молодая Эривань». Все и всё для него, как он сам заявляет, «были любы» здесь.

Но только ли Севан и Ереван? Конечно, и Аштарак, утопающий в волшебных садах, виноградниках. «Мне удалось наблюдать и служение облаков Арарату, — так начинается глава “Аштарак”, — тут было нисходящее и восходящее движение сливок, когда они вваливаются в стакан румяного чаю и расходятся в нём кучевыми клубнями». В этой же главе в скупых, сжатых строках Мандельштам живо и образно воспроизводит всё, что характерно для Аштарака и аштаракцев — «женолюбивы, общительны, насмешливы, склонны к обидчивости и ничегонеделанию». Аштарак — колыбель богатого фольклора и прекрасных сказок. «Ещё в Эривани, — пишет поэт, — Алагяз торчал у меня перед глазами, как “здрасьте” и “прощайте”. Я видел, как день ото дня подтаивала его снеговая корона... Кусок Алагяза жил тут же со мной в гостинице. На подоконнике почему-то валялся... камень обсидиан. Визитная карточка в пуд, забытая какой-нибудь геологической экспедицией». Поэт, ко-

нечно, не забывает и о живущих в Бюракане и на склонах Алагяза и с болью сердца описывает их, особенно детей, которых «мухи едят», «гроздьями забираются в уголок глаза». Весь этот очерк насыщен метафорами, что очень характерно для стиля Мандельштама, его сравнения и образные выражения поражают читателей. И сам он очень ценил тех, которые образно выражались. Жена поэта рассказывает, как однажды, когда он читал свои стихи об Армении Чаренцу, последний с восторгом сказал ему: «Из вас, кажется, лезет книга». После ухода Чаренца Мандельштам, обращаясь к жене, сказал: «Ты слышала, как он сказал! Это настоящий поэт!». Именно таким настоящим поэтом был и он сам — Осип Мандельштам. Вообще, Чаренц и Мандельштам высоко ценили друг друга, ибо оба были поэтами «божьей милостью» и творили «с божеством и вдохновеньем».

Его высоко ценил Егише Чаренц. Однажды, как рассказывает Гурген Маари, он застал Чаренца беседующим с Мандельштамом, а когда последний попрощался и ушёл, Чаренц спросил у Маари: «Ты читал его стихи?». «Нет, — ответил Маари и добавил, — я помню лишь одну эпиграмму:

Мандельштам —
Мандельштамп!»

Чаренц, улыбнувшись невесело, сказал — остроумная шутка, но к Мандельштаму не имеет никакого отношения, он так же далёк от штампа, как небо от земли...

Многозвучное сердце поэта Осипа Мандельштама было наполнено любовью к Армении, и он не переставал мечтать о ней до последних дней своей жизни. Именно здесь запали в его душу чарующие песни Комитаса, стихотворение «Прялка» Газароса Агаяна. «Армянская прялка, — пишет жена поэта, — жила с нами вместе с шубертовской».

Армения и её многовековая культура и литература, по признанию поэта, дала ему так много счастья. Как и Валерий Брюсов, Мандельштам любил заглядывать в героические страницы минувших веков и черпать из них темы для своего творчества. Армения, её история привлекали поэта, и он написал цикл стихов, посвящённых ей. По имеющимся данным, часть их пропала. Стихи об Армении поэт начал писать ещё будучи в Ереване и Тифлисе. Стихи об Армении впервые были опубликованы в журнале «Новый мир» в 1931 году. Увертюрой цикла этих стихов звучали строки, воспевающие трудолюбивый народ армянский.

Как бык шестикрылый и грозный,
Здесь людям является труд,
И кровью набухнув венозной,
Предзимние розы цветут.

Образы шестикрылого быка, а также набухших венозной кровью роз как нельзя лучше воссоздают облик трудового люда. Ещё в очерке «Путешествие в Армению» поэт с похвалой отзывался о «благородной трудовой кости» армян и, действительно, сама природа каменной Армении приучила их к труду, и они из камня выжимали свой хлеб насущный и из камня сотворяли чудеса. Доказательством тому служат величественные памятники архитектуры, разбросанные по всей стране.

Армения метко названа поэтом страной «москательных пожаров», где свободолюбивый народ не раз в «мёртвых гончарных равнинах трепал рыжебородых сардаров». Страна, где величественно звучит армянский язык, каждое слово которого — «скоба».

Страна москательных пожаров
И мёртвых гончарных равнин,
Ты рыжебородых сардаров
Трепала средь камней и глин,

Вдали якорей и трезубцев,
Где жухлый почил материк,
Ты видела всех жизнелюбцев,
Всех казнелюбивых владык.

Как люб мне язык твой зловещий,
Твои молодые гроба,
Где буквы — кузнечные клещи
И каждое слово — скоба.

А вот и стихотворение, где поэт с тоской вспоминает Ереван 30-х годов, носивший на себе следы старого, его улицы «большеротые, кривые вавилоны». Поэту снится начало утра армянского, и скупыми строками он рисует необычное, никогда не виданное им зрелище:

Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки,
Из очага вынимает лавашные влажные шкурки.

Стихотворение же «Закутав рот...», в котором представлен печальный облик родины армян, состоит всего из восьми строк, в них сжато и образно воссозданы драматические страницы истории армянского народа. «Простоявшая» на окраине мира, глотая слёзы, она отвернулась со стыдом и скорбью от «городов бородатых Востока», чёрные руки которых снимали с неё посмертную маску. Именно так было в 1915 году, в дни геноцида армян.

Закутав рот как влажную розу,
Держа в руках осьмигранные соты,
Всё утро дней на окраине мира
Ты простояла глотая слёзы.

И отвернулась со стыдом и скорбью
От городов бородатых Востока,
И вот лежишь на москательном ложе
И с тебя снимают посмертную маску.

Мандельштам творит действительно неизношенными словами, эпитетами и образами. Конечно, легко пользоваться уже готовыми словами, не раз звучавшими на устах у других. Многие словосочетания, метафоры, образы и сравнения, созданные Мандельштамом, на вес золота. Трудно, даже невозможно найти у него пустых, как говорится, «белых строк», у него каждое слово взвешено золотником.

В стихотворениях цикла «Армения» страна наша характеризуется как государство орущих камней.

Орущих камней государство
Армения, Армения!
Хриплые горы к оружию зовущая
Армения, Армения!

Все эти стихи по тематике связаны друг с другом, являются звеньями общей цепи, именуемой Армения, а Армения «не развалины! нет, но порубка могучего циркульного леса, якорные цепи поваленных дубов звериного басенного христианства». Страна, где нахорленные орлы с совиными крыльями ещё не осквернены Византией.

Сознанием того, что поэту больше не суждено побывать в Армении, увидеть алмазные вершины Арарата, раскрыть книги «авторов гончарных, по которым учились первые люди», продиктованы следующие строки поэта:

Я тебя никогда не увижу,
Близорукое армянское небо,
И уже не взгляну, прищурясь,
На дорожный шатёр Арарата,
И уже никогда не раскрою
В библиотеке авторов гончарных
Прекрасной земли пустотелую книгу,
По которой учились первые люди.

В стихах Мандельштама нередко встречаем такие строки: «Солнца персидские деньги щедро раздаривающая — Армения, Армения. Якорные пни поваленных дубов звериного и басенного христианства».

Волосяная музыка воды!
Что это? Пряжа? Звук? Предупрежденье?
Чур, чур меня! Далёко ль до беды!

Такие затейливые строки не всегда легко воспринимаются читателем без угадывания сквозь ткань всего текста стиха, такую манеру нельзя путать со стилем других — это определяет весьма самобытный почерк поэта Мандельштама, но он осложняет восприятие и держит читателя в напряжении. Лучше воспринимаются те его стихи об Армении, в которых мысли поэта выражены более просто, более ясно:

Холодно розе в снегу:
На Севане снег в три аршина.
Вытащил горный рыбак расписные лазурные сани.
Сытых форелей усатые морды
несут полицейскую службу
на известковом дне...

В стихотворениях, посвящённых Армении, поэт нередко для передачи восточного колорита прибегает к таким словам: «Ты розу Гафиза колышешь», «Для шербета негодный дичок». Нередко встречаем и такие сравнения: «Как близорукий шах над перстнем» и т. д.

В целом цикл стихотворений «Армения» Мандельштама намного отличается от творений русских поэтов, воспевающих Армению, как манерой изложения, так и своеобразным подходом к теме. Такова наша Армения — кто хоть раз побывал здесь, не может не воспеть древний наш край наирский.

ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

Стихи, написанные В. Звягинцевой об Армении, собраны в отдельной книге «Моя Армения», изданной в 1964 году.

Они во многом отличаются от стихов русских поэтов о дореволюционной Армении не только поэтическим восприятием темы, но и самой тематикой. В отличие от Веселовского, Брюсова, Данченко, Городецкого и других, писавших о тяжёлой доле и страданиях армян, Вера Звягинцева воспевает избавленную от варварского гнёта всех чужеземных поработителей Советскую Армению.

Прошедший через мятежные века и вступивший на порог новой жизни, превративший хижины в великолепные туфовые здания армянский народ и его родина-мать стали для В. Звягинцевой неиссякаемым источником вдохновения. Поэтесса безжалостна к врагам армянского народа, превратившим в руины величественные памятники нашего зодчества.

Ни бездомной печали твоей,
Ни бесщётных безвестных могил
Не прощу чёрной злобе людей,
Не прощу до конца моих дней,
Даже если бы сам ты простил.

Вера Звягинцева восторженно, с беспредельной искренностью воспекает Армению, которую она полюбила всей душой. Вот её признание в этом:

Как влюбляются в человека,
В голос, жест, висков седину,
Так под ветром большого века
Я влюбилась в одну страну.

Об этой «поздней, нелёгкой любви» говорит она и в стихотворении «Моя Армения»:

И куда же меня занесло?
От черёмух, плетней и акаций
Перекинуло к солнцу в жерло,
К лиловатым снегам Арагаца!

В детстве — рожь, курослеп на лугу...
А теперь не прожить мне и часа,
Не подумав о бурной Зангу,
О певучей весне Комитаса.

Я отказываюсь разгадать,
Что в меня эту страсть заронило, —
Очень русской была моя мать,
Небо севера было ей мило.

И сама я любила не зной,
А морозец весёлый и прочный.
Что же это случилось со мной?..

Случилось то, что сердце поэтессы нашло общий язык с армянской поэзией. Навсегда запали в её душу мелодии армянских песен, от которых, как признаётся сама В. Звягинцева, «заходится сердце». И чем больше она общалась с Арменией, тем горячее любила её.

Моя любовь к Армении похожа
На вечную любовь к своей земле.
Не разберу, которая дороже,
Не гаснет жар в нестынувшей золе.

Поэтесса связана с Арменией душой и мыслями, она называет её не иначе, как «Моя Армения». Песни же её, посвящённые Армении, по выражению К. Чуковского, звучат «гимнами этой страны» и этого народа.

Я люблю этих смелых людей,
Может быть, иногда и недобрых;
Терпеливых седых матерей,
Вот Армении подлинный образ.

В Армении, в этом «рыжем обветренном крае», всё по душе ей — и земля, «где даже сквозь камень пробиваются к солнцу цветы», и вода, слаще которой она не знала. В высокогорной Армении даже небо какое-то особое:

Я такого большого неба
Не видала ещё нигде,
Звёзд таких, как озёра. Мне бы
Погостить на такой звезде!

Стихи Звягинцевой отмечены не только непосредственностью и теплотой чувств, но и свежими образами, сравнениями, метафорами. Поэтесса воспекает сказочный Севан, захваченная его красотой и величавостью. Недаром Исаакян говорил: «Севан так красив, что хочется утонуть в нём».

Стихотворения Звягинцевой «Первое лето в Армении», «Ты помнишь то лето» полны воспоминаний о проведённых на берегу Севана счастливых днях, о неизгладимых впечатлениях.

Предметом восхищения Веры Звягинцевой стало искусство народа, его песни и танцы.

Армянское искусство танца очаровывало многих, в том числе М. Горького, который вообще не был поклонником этого вида искусства. Увидев в Ереване армянские танцы, особенно танцы сасунцев, М. Горький восторженно писал: «Никогда я не видел и не мог представить себе картину такой совершенной слитности, спаянности многих в едином действии: вероятно, танец сасунских армян — победный танец воинов... Не менее оригинально и также обаятельно красиво танцевали женщины». Эти танцы покорили и поэтессу.

Вот он, ах, вот он — тот перелив,
Обжигающий лоб и губы...
Не зурна, не бубен, не трубы —
Это ветер нагорных нив.
И армяночка в круг вступает,
Голубями руки летают,
А как долу опустит очи —
Косы длинных ресниц короче...
Ей навстречу идёт дружок, —
Золотой на нём поясок,
Ты видал в сапожках огонь?
Вот он вьётся, подняв ладонь...

Уже в одном выражении «в сапожках огонь» — ярко представлена динамика танца, неистовство танцора. Ещё сильнее манят поэтессу армянские песни, «гортанной бронзой» звучащие голоса детей.

Известная песня «Крунк», выражающая тоску живущего на чужбине армянского странника, стала одной из самых любимых песен Звягинцевой. По признанию поэтессы, эта песня всегда глубоко волнует её, так как армянский странник поёт её не устами, а сердцем.

Но когда кто-нибудь из армян
Запевает при мне «Журавля», —
Застилает глаза мне туман,
И мне видится бедный баштан
Да обугленные тополя.

Звягинцева, для которой мерилом величия народа служит песня, рождённая его сердцем, особенно высоко ценит поэзию чародея армянской песни Исаакяна, на смерть которого она откликнулась глубоко волнующим стихотворением:

Гляжу я вдаль, на тихие поля,
На Золушку мою, на дорогую
Печальную Армению мою.

А там сейчас идут за гробом толпы,
И дождевая нависает мгла...
Никто меня безумною не счёл бы.
Когда бы я пешком туда пришла,
Упала б на сырую землю прямо
Среди камней, меж близких мне людей.
...И в золотом прозрачном Сагурамо
Я плачу об Армении моей.

Поэтесса с нами не только в радости, но и в скорби. В стихах, посвящённых Армении, часто выступает образ «царя армянской песни» Исаакяна. Речь идёт о стихотворении «Звартноц», посвящённом величавому памятнику древнего армянского зодчества. Это прекрасная, тонко исполненная композиция.

В Араратской долине на фоне Масиса высятся, точно зажжённые свечи, наирские тополя. У развалин каменных капителей с изображениями орлов — символа творческого взлёта народа — задумчиво стоит «царь армянской поэзии» Исаакян. Звартноц и Исаакян — как два памятника армянскому гению. Один древнее другого, как древен сам армянский народ; один — творение народного гения, другой — сам творец-гений; один — окаменевшая музыка, другой — живая, звучащая армянская песнь.

Стихотворение завершается хвалой горной студёной воде, утоляющей жажду поэта:

Я пью её, как мира чистоту,
Как птица капли ливня на лету.

В сборнике «Моя Армения» примечательно и стихотворение «Аветик Исаакян», отличающееся не только непосредственностью чувств, но и силою выражения любви поэтессы к армянскому Барду. В то же время это поэтически обобщённая характеристика поэзии Исаакяна. В нём подчёркнуто глубокое познавательное значение безыскусственных песен поэта, через которые можно так ясно «познать лик Армении».

Песни Исаакяна — это песни самого народа, в них «голосом Исаакяна пел и плакал армянский народ». В них «глубокая хрустальная святость неподкупной народной души». Поэзия Исаакяна предстаёт перед русской поэтессой во всей широте жизненного охвата — «от скитальческих зовов печали до напевов труда и борьбы».

Стихотворение «Аветик Исаакян» интересно и по форме; оно напоминает известное стихотворение самого Исаакяна «Караван мой бренчит». Приводя из последнего отдельные строки — «Погоди, караван...» и другие, поэтесса создаёт атмосферу близости между ним и своим произведением. С другой стороны, она перекидывает мост между Исаакяном и классическим переводчиком и поклонником его поэзии Блоком, показывая ту духовную близость, которая существует между ними:

Словно оклик из глуби колодца,
Был для Блока глухой этот зов:
«Караван мой бренчит и плетётся
Меж чужих и безлюдных песков»...

Как много сказано и как правильно понят творческий облик Исаакяна!

Многообразна тематика стихов в сборнике «Моя Армения». Для Звягинцевой, воспевающей Айастан, дорога и родина Туманяна — Лори с его высокими горами и глубокими ущельями, грохочущим Дебетом («Лорийское ущелье»); любо и сказание о Цовинар-хатун из эпоса о богатыре Давиде («О прекрасной Цовинар-хатун»); любви также возделывающий отцовские земли и выращивающий сады крестьянин-труженик и вино, которое он пьёт («Воскеваз»); и столица наша — старый, но особенно новый Ереван, где повсюду слышна звучная армянская речь. Звягинцевой приятно сознавать, что, говоря словами Исаакяна, «даже птицы здесь щебечут по-армянски и ручьи по-армянски журчат». Она любит суровую природу Армении: зиму с завывающей вьюгой, лето с раскалённым солнцем. Она любит родники с холодной ключевой водой и нашу золотую осень, когда, как круглые зрачки смеющихся чёрных глаз, из-под кустов выглядывают виноградины, а палящее солнце греет добрее.

Вот он — осенний Ереван, о котором пишет русская поэтесса:

Шафрановым загаром
Подёрнута земля,
Ликующим пожаром
Пылают тополя.

Одни фонтаны сквера
В струистом серебре.

На улочке базарной
Лиловый виноград.
Огромные корзины
С душистой айвой,
И синих слив седины,
И перец огневой.

Не персики, а чудо...

Из множества метких образов, метафор и сравнений, рассеянных в стихотворениях этого сборника, перед нами вырисовывается монолитная картина жизни того народа и той страны, которые именуются армянами и Арменией.

Называя Армению «краем сухого зноя», Звягинцева сравнивает армянина, живущего в каменистой стране, с цветком, тянущимся сквозь расселины скалы к свету. Поэтесса познала «эту землю, где даже сквозь камень пробиваются к солнцу цветы».

По тому же принципу сравнения создан и образ человека большой души, живущего в этой маленькой стране.

Небольшая земля, да душа велика —
От Зангу до задумчивой Веги.

В «задумчиво-скорбных» песнях отражено горькое прошлое армянского народа.

Не легко и не просто было русской поэтессе так правдиво отобразить в своих стихах Армению и армянский народ. Надо было увидеть армянина-труженика не только в работе, в быту, за столом, гостеприимно угощающего хлебом-солью своих друзей, но и в трудные часы испытаний: Надо было понять все те внешние и внутренние факторы жизни этой страны, которые влияли на характер народа. Надо было хорошо знать не только счастливое «сегодня» этого народа, но и пройденный им путь на всём протяжении его полной драматизма истории. Вся жизнь армянского народа была борьбой за самосохранение и самоопределение, которая началась ещё на заре его истории. Надо было знать и отражавшую эту жизнь литературу, полную пафоса борьбы за сохранение самобытности.

Немало потрудились Звягинцева и как переводчик армянской поэзии. Первые шаги творческого общения с армянской литературой начинаются именно с переводческой деятельности поэтессы. Незнание армянского языка обычно заставляет находиться в зависимости от подчас неудачного подстрочного перевода. К счастью, работа таких поэтов-переводчиков, как Звягинцева, протекала и протекает на фоне широкого ознакомления с армянской культурой и литературой. Как бы войдя в поэтический мир армянских поэтов, отомкнув врата их творческого арсенала, Звягинцева чувствует себя во дворце нашей поэзии, как у себя дома. Она сроднилась с творениями Аветика Исаакяна, В. Терьяна и других армянских поэтов.

Читая переводы Звягинцевой из поэзии Исаакяна, Терьяна, Чаренца, Туманяна и других, первое, что мы видим и ощущаем, это то, что жар поэтического слова оригинала не бывает «остуженным». Так, например, стихи Налбандяна «Песня свободы», звучащие как призывный набат, в переводе полностью передают боевой дух подлинника, благородный гнев поэта самодержавия. Стихи эти и в русском переводе согреты чувством безграничной любви Налбандяна к свободе.

Свобода! — восклицаю я, —
Пусть гром над головою грянет.
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит.

Многочисленные переводы Звягинцевой из стихотворений различных армянских поэтов показывают, что переводчица умеет переходить от одного настроения к другому — от пламенной страсти к тихой нежности, от восторга к отчаянию, от набатного призыва к печальным песням. Примером этого служит и перевод стихотворения Исаакяна «Ты не поймёшь», где говорится о неизлечимых ранах и о неизбыточном народном горе, которые были ранами и горем для самого поэта.

Что мне весна и звонкий бег ключа?
Померк от горя блеск моих очей,
Бреду один, всю скорбь земли влача.
Не спрашивай о горести моей.

Я угнетённого народа сын!
Идёт путём кровавым мой народ
И век за веком, в тьме глухих годин
Насилья цепи ржавые грызёт.

О, горстка пепла, — сырый мой народ,
Я кровью сердца о тебе пишу,
Мне боль твоя, как пламя, душу жжёт,
Я в сердце раны родины ношу.

Звягинцева подходит к переводам классиков со священным страхом. «Каждое стихотворение, — признавалась поэтесса, — переделывала много раз и столько же перепечатывала». Она стремится сохранить звукопись стиха, размер, мастерство и рифмовку, «насколько это осуществимо при разнице стихотворения русского (тонического) и армянского (силлабического)». Она отклоняется от подлинников лишь в тех случаях, когда бывает не под силу преодолеть трудности. Поэтесса чувствует себя свободнее и имеет на это больше прав, когда переводит рядовых поэтов, подчас даже исправляя их, и делает это потому, что вкус взыскательного мастера не позволяет ей не замечать шероховатости оригиналов.

Поэтическое творчество Звягинцевой показывает, что она училась мастерству и у армянских поэтов, чего она сама не отрицает: «В ряде моих стихов формально есть влияние богатства армянской рифмовки, например, в книге моей “Вечерний день”, вышедшей в издательстве “Советский писатель” в 1963 году, в ряде стихотворений в одной строфе по четыре рифмы. Мне думается, что здесь я невольно работала под влиянием армянской рифмовки. Это стихи: “Искусство”, “Под уклон пошёл, под уклон”, “Кто может подумать”. В моих стихах об Армении, конечно, в образах моих отражается образность армянской поэзии, не говоря о содержании...».

Вместе с тем Армения и в тематическом отношении обогатила творчество Звягинцевой, воспевавшей эту страну. Для литературного облика автора книги «Моя Армения» характерны глубокая эмоциональность и богатство мыслей — черты, определяющие её лирику вообще.

МАРИЯ ПЕТРОВЫХ

«Во мне образ Армении, — писала Мария Петровых, — не поддающийся словам», образ, который «ушёл в глубины глубин души моей». Мы воздаём должное этой поэтессе, ибо она верна в своих чувствах к Армении. «Моя любовь к Армении — моя верность», — признаётся она сама.

Знакомство поэтессы с Арменией и с армянскими мастерами кисти и пера началось так. «Одна из поэтесс... влюблена была в искусство Сарьяна, — пишет Петровых, — от неё я ещё в школьном возрасте узнала о Сарьяне, и у меня защемило сердце даже от одних репродукций. Думала ли я тогда, что Армения станет моей пожизненной любовью?».

И вот эта манящая, влекущая Армения широко распахнула свои ворота перед поэтессой, когда она осенью 1944 года приехала в покорившую её страну. «Это была замечательная, незабвенная осень... Мне мало пришлось поехать по Армении, но всё же я была в Эчмиадзине (даже на богослужении), была на Севане... Бывали в Норке, ходили к Зангу. Конечно, были и в Матенадаране...».

Чтобы хорошо узнать поэта, надо побывать на его родине, — говорил Гёте. И вот, приехав в древнюю страну, поэтесса Петровых по-настоящему распознала Армению, её людей и многовековую поэзию. «Армения научила меня глубже, вернее понимать, чувствовать армянскую поэзию. Терпкость исаакьяновской печали, — чудесную раскованность, свободу Туманяна, его поэтический диапазон, естественное родство поэзии с прозой... его лукавый обаятельный юмор; Терьяна — при всём его жизнеутверждающем миропонимании, — трагического...». Глубже познав Армению и её поэзию, Мария Петровых сроднилась с ними. Поэтическим выражением этой любви и является стихотворение «На свете лишь одна Армения». Об Армении Мария Петровых, как уже было замечено, писала очень мало. Сама она так объясняет причину своего немногословия:

От робости, от неумения
Её не воспевала я.

Появление этого стихотворения, написанного с глубоким вдохновением, как раз говорит о высоком мастерстве, о той ответственности, о той повышенной настороженности, с какой она относится к любимой теме. Наконец, о той безудержной любви к Армении, которая в конце концов где-то находит себе дорогу для выражения этого избытка чувств. Поэтесса с чувством сожаления говорит о долгой разлуке с любимой Арменией:

Но как же я себя обидела —
Я двадцать лет тебя не видела,
Моя далёкая, желанная,
Моя земля обетованная!

Поэтесса называет Армению не иначе, как «моя желанная», «моя земля обетованная». Сила любви, таящаяся в душе М. Петровых, обильным ключом бьёт наружу. И мы верим в искренность её таких заверительных слов:

Поверь, любовь моя подспудная,
Что ты — мой заповедный клад,
Любовь моя — немая, трудная,
Любое слово ей не в лад.

Хотя сама поэтесса и находит, что она не в силах выразить все свои чувства и помыслы, однако её большая любовь подсказывает ей меткие слова и образы.

Находясь вдали от Армении, поэтесса носит в своей душе её образ, магнитом притягивающий к себе:

Со мною только дни осенние
И та далёкая гора,
Что высится гербом Армении
В снегах литого серебра.

Та величавая двуглавая
Родная, дальняя гора,
Что блещет вековечной славою,
Как мироздание стара.

Не зная автора этого стихотворения, можно было бы подумать, что строки эти написаны армянским поэтом. Это он мог бы подобрать такие слова, как «родная дальняя гора». В последующих строках поэтесса с любовью вспоминает и о «тайнах Севана», и о храме на острове, и о «дымке жертвоприношений», и о вырубленных в камнях орлах Звартноца. Читая это стихотворение, можно познать лик Армении, лик того края, одно лишь напоминание о котором вызывает тоску по нём:

О край далёкий, край возлюбленный,
Мой краткий сон, мой долгий вздох...

Именно тоска по Армении породила столь проникновенные строки. Только «тоска и порождает всё возвышенное», — говорил Туманян. Эмоциональность, тонко подобранные эпитеты, строфы певучих, звонких стихов — вот те отличительные черты, которые присущи стихам поэтессы об Армении. Стихотворение «На свете лишь одна Армения» относится к тем творениям, которые имеют за собой целую биографию. За их строками и надобно искать душу поэта.

Чем и почему Армения стала манить и притягивать к себе с такой неудержимой силой людей, которые побывали в этой стране? Прежде всего, конечно, вдохновенным трудом её народа, которого суровая природа этой страны приучила к повседневному тяжёлому, но облагораживающему созидательному труду.

О воплощении высоких идеалов народа, его стремлении к правде, гармонии и красоте рассказали поэтессе и храм Рипсимэ, и обломки развалин Звартноца, и пожелтевшие пергаменты Матенадарана. В славе прошлого — будущей славы залог. Об этом поведала и новая цветущая Армения. Все это пробудило любовь и благоговение к земле армянской и к её народу-созидателю.

Над всей страной — дыханье гения
И вдохновенья и труда.
Кто повидал тебя, Армения, —
С тобой всегда, с тобой всегда.

В творческую биографию поэтессы Армения вписала лучшие страницы. Вот почему не раз оживают в памяти Петровых, как сама она признаётся, «сокровенной, счастливою тайной» дни золотой осени, проведённые в Армении. Поэтическим выражением воспоминаний о прекрасном мимолётном видении и памятных днях, проведённых в Армении, являются следующие строки:

Осень сорок четвёртого года.
День за днём убывающий зной.

Ереванская синь небосвода
Затуманена дымкой сквозной.

Сокровенной счастливою тайной
Для меня эта осень жива.
Не случайно, о нет, не случайно
Я с трудом поднимаю слова, —

Будто воду из глуби колодца,
Чтоб увидеть сквозь годы утрат
Допотопное небо Звартноца,
Обнимающее Арарат.

Мария Петровых является не только восторженным певцом Армении, но и одним из ревностных пропагандистов армянской поэзии. Высокохудожественные переводы Петровых сыграли немалую роль в деле ознакомления русского читателя с армянской классической поэзией, равно как с творениями современных поэтов Армении. К сожалению, переводы из классической армянской поэзии немногочисленны. Достаточно сказать, что поэтесса прошла мимо средневековых поэтов и Саят-Новы, перед которыми склоняют головы все поэты-переводчики, идущие по стопам Брюсова.

Из лирики Иоаннеса Иоаннисиана Петровых перевела лишь одно стихотворение — «Не забывай, певец, о верной лире», из поэзии Аветика Исаакяна — «Армянское зодчество» и «Народная лира», из лирики Терьяна — всего несколько стихотворений. Сравнительно больше переводила М. Петровых современных армянских поэтов — Н. Зарьяна, Г. Сарьяна, С. Капутикян, М. Маркарян, Р. Ованесяна и других.

Следует отметить, что в своих переводах поэтесса не допускает вольности. Она старается быть верна духу и тексту подлинника, насколько, конечно, это допускают особенности русского стихосложения и русского языка. В этом можно наглядно убедиться, если сравнить переводы Петровых с переводами некоторых других русских поэтов. Например, стихотворение «Армянская архитектура» Исаакяна перевёл и В. Державин. Не умаляя значение переводов Державина, приходится, однако, констатировать факт некоторой произвольности перевода. Так, в переводе упомянутого стихотворения Исаакяна по непонятной причине гора Арарат стала Арагацем. Тополь в этом переводе заменён буком, это, очевидно, сделано ради рифмы.

Снег на холмах и на склонах вокруг,
ветер бушует — сгибае бук.
Гайк, прародитель, не так ли сгибал
Крепкий свой лук?

В этой выдержке мы находим отклонение и от образного сравнения исаакяновского стиха. У Исаакяна сказано: «бушующий ветер сгибает величавый тополь, подобно луку Гайка-праотца». В переводе же Державина вместо «подобно луку Гайка-прародителя» приведена вопросительная форма: «Не так ли сгибал крепкий свой лук?» Излишне здесь и слово «крепкий». И все эти отклонения в одной строфе.

Мария Петровых в своих переводах не играет со словами поэта-классика. Она остаётся верной и духу, и тексту, и образной системе, и звукописи подлинника. Вот почему нам хотелось бы, чтобы поэтесса проявила щедрость своего таланта. Тогда ей не пришлось бы с болью в сердце писать о себе:

О, как сердце отравлено
Немотой многолетней!

Что же будет оставлено
В ту минуту последнюю?
Лишь начало мелодии,
Лишь мотив обещания.

Хочется сказать, что даже начало такой мелодии даёт нам право отозваться добрым словом о талантливой поэтессе, воспевающей любимую Армению, ставшую для неё «землёй желанной, обетованной».

АРМЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ НОВЕЙШИХ РУССКИХ ПОЭТОВ

Из современных поэтов об Армении больше всего, пожалуй, писал А. Гитович. Гитович, часто приезжавший в нашу страну, хорошо знал историю и культуру армянского народа, не раз воспевал в своих стихах великого просветителя Абовяна и армянского буревестника революции Е. Чаренца, волшебных мастеров кисти Сарьяна и Галенца. Поэт часто обращал свой взор и на историческое прошлое народа. В цикле стихотворений «На левом берегу Аракса» он клеймит позором «великого убийцу» Абдула Гамида и прочих палачей.

Значительное место в поэзии Гитовича на армянскую тему занимает цикл под заглавием «Пир в Армении». В них жизнерадостный поэт восхваляет солнечную Армению, её виноградные лозы и прославленный армянский коньяк. Поэта не раз манила Армения и её столица.

А в Эривань поехать кто не рад?
Там, если не взойдём на Арарат,
То хоть сойдём в подвалы «Арарата».

Побывавший в Ереване М. Горький остроумно заметил, что «легче подняться на гору Арарат, чем выйти из подвала “Арарата”». Поэт же Гитович, с лёгкостью поднявшись из подвала гостеприимного «Арарата», замечает, что путь к Арарату, взиравшему на друзей «с тревогой, восторгом и надеждой, далёк и труден». Об этих своих желанных думах поэт пишет в стихотворении «Военный парад в Ереване».

Арарат для него не одна лишь ласкающая взор красота, но и явление, волнующее сердце и побуждающее думы поэта. Для поэтического облика Гитовича характерно не созерцание любимой для него темы, а активное к ней отношение, во многом совпадающее с думами армянских собратьев по перу.

Об Арарате писал и Е. Евтушенко, один из талантливых современных русских поэтов. Арарату он посвятил лишь одно стихотворение, но оно насыщено глубоким раздумьем. Арарат в его стихотворении не является лишь ласкающим взор пейзажем. Под ледяным покровом седого великана поэт ощущает кипящую лаву. Именно так некогда взирал на него и наш великий соотечественник Гевонд Алишан в своём знаменитом стихотворении «Горы Масиса». Из всех современных русских поэтов, воспевавших Армению, Евтушенко, как и Гитович, отличается своеобразным подходом к данной теме.

Это стихотворение Евтушенко представляет интерес с нескольких точек зрения. В нём поэт справедливо замечает, что не тот является другом армянина, кто поднимает кубок с янтарным армянским коньяком и разглагольствует о дружбе, а тот, кто в дни невзгод, протянув руку помощи, скрепляет свою дружбу кровью.

Поэту хорошо известны страницы недавнего прошлого, когда лучшие сыны русского и армянского народов рука об руку сражались на поле брани, собственной кровью завоёвывая свободу и землю отчего края.

Мы с вами вместе знали столько бед
И вместе гибли мы на поле брани.
Когда есть братство честное, то нет
Ни младших и ни старших — просто братья.

В этом стихотворении поэт предугадывает и грядущий день, когда окажутся стёрты все грани между странами и радуга дружбы объединит народы.

И верю я —
настанет день, когда
границ не будет —
только арки радуг.
Исчезнут в мире злоба и вражда,
и я прижмусь щекою к Арарату.

Читателей особенно волнуют известные заключительные строки стихотворения, в которых проявляется пылкая любовь к «братьям-армянам» и непосредственность в «самом подходе» к, казалось бы, уже не новой теме.

Для поэтического облика Евтушенко, чья добрая и мужественная лира отличается высокой гражданственностью, характерно то, что поэт в своих творениях затрагивает острые и жгучие темы. В стихотворении «Нет, армянину русский брат не тот...» поэт предельно ясно выражает свои думы и помыслы, схожие с думами и чаяниями его армянских собратьев.

«Арарат — весь в поэзии» у наших русских собратьев по перу. Речь идёт о Михаиле Светлове, Эрлихе, Рогове, Снеговой, Николаевской, Матусовском, Державине, Тарасенко, Рождественском и ряде других поэтов. Они не раз бывали в Армении и полюбили эту страну крепкой неизменной любовью. Здесь, в Армении, они встречались прежде всего со стражем Армении, «среброглавым Араратом в шапке красноватых облаков». Именно он первый поражал всех без исключения, как некогда поразил Пушкина и Грибоедова, Полонского и Дениса Давыдова.

Каждый из названных поэтов воспевае его по-разному. Для одних Арарат является символом славы, величия, непокорённого духа армянского народа, ставший его государственным гербом, другим же представляется как дивный пейзаж горной страны.

Так воспевае эту гору, например, Садовский в стихотворении об Армении:

Яснеют золотистые поля,
Кружит орёл над вечным Араратом,
О, благодатный час перед закатом;
В нём нежится усталая земля.

Не перед всеми вершина Арарата предстаёт в своей красе. Но сколько радости, когда она выходит из тумана, сразив своим появлением жадно взирающих на неё. Об этом пишет поэт Матусовский в стихотворении «Арарат в тумане»:

Я был в обиде на Арарат;
Вот уж неделя, как в Ереване я,
А он на меня неделю подряд
Не хочет совсем обращать внимания.

Он вдруг явился передо мной,
Сразив меня не библейской святостью,
А всей своей сахарной белизной
И всю небесной голубоватостью.

Ряд стихов посвятил Армении Матусовский. Мы имеем в виду его «Август», «Каменотёс» и др. В стихотворении «Скиталец» поэт говорит о тяжкой доле армян, рассеянных по свету, одиссея которых кончается возвращением на родину. На армянскую тему писал И. Ивнев — «Арарат», «Столица Армении». Арарат, по признанию этого поэта, превосходит любое представление о красоте.

Быть может, всё, что видел я когда-то, —
Простор полей и Тихий океан,
И дней мятежных длинный караван, —
Должно погаснуть, точно луч заката, —
Пред мраморной вершиной Арарата.
Быть может, я пришёл к заветной цели,
И больше нет желаний никаких,
И я стою у общей колыбели,
Моей судьбы и судеб мировых.

В более широком охвате воспевает Армению поэтесса Ирина Снегова. С восторгом и с благоговением создаёт она стихи о нашей стране, о художниках, о полотнах Сарьяна, «разбушевавшихся красками», точно художник держит в своих руках не кисть, а солнечные лучи. Поэтесса сложила и немало задушевных любовных стихов, которые подёрнуты нежной грустью. К ним относятся «Пламя глаз этих жжёт нежданно», «Песня», «Сонет» и др. Одно из этих стихотворений написано под непосредственным воздействием строк народной армянской песни: «Стою, идти не могу. Полна слёз — плакать не могу».

Идти не в силах, будто в землю врос,
Стою на берегу,
Я полон слёз, я полон жгучих слёз,
А плакать не могу.

За годом год роняет лист лоза,
Шесть лет я жду любя,
Я умереть готов за те глаза,
Что видели тебя.

Я эту песню для тебя пою, —
Без песни как мне жить?
Пусть тот ослепнет, кто любовь свою
Осмелится забыть...

Прощаясь с Арменией, поэтесса, по её признанию, «за севанской синью оставляет сердце своё». Не менее захватывающими являются и другие песни Снеговой: «Я послезавтра уезжаю», «Стянула волосы в узел я», «Плывёт закат над милым Ереваном».

Плывёт закат над милым Ереваном
Последним уходящим караваном.
Протяжно стонет тонкая зурна.
Здесь мой отъезд оплачет лишь она...

С большим чувством и вдохновением воспевает горную страну, её величавую природу, Алагяз «в венце алмазном», её быстрые реки Елена Николаевская. Зангу, близкая и осязаемая, бурная Зангу для неё является рекой муз. Здесь, у стремительной реки, поэтесса раскрывает тайну своего сердца.

Цикл стихов Николаевской об Армении завершается стихотворением «Вдалеке». В нём поэтессе вновь чудится бурная река, источник всех благ для жителей этой страны:

И когда нахлынет тоска,
Разговоры вести начнёт,

Вспоминается мне река,
Что сквозь горы твои течёт.

Дарит людям тепло она,
Заливает светом дома,
Но сама она холодна,
Но бурна и темна сама...

Любы поэтессе в Армении и полотна Сарьяна, в которых она находит «объяснение чудес, сарьяновской тайны разгадку». Стихи Николаевской привлекают порою и оригинальностью замысла. Например, стихотворение «Лаваш». Путники, проходя по скалистой дороге Армении, замечают вдруг в стороне от дороги

не сон, не мираж!
...обветренный, тонкий
Во мраке белеет лаваш.
Не где-то в пыли под ногами —
Нет! Добрая чья-то рука
Его положила на камень
У памятника-родника...

В этих строках проявляются характерные черты трудовых людей земли армянской, их отзывчивость, доброжелательность, гостеприимство. В заключительных строках поэтесса призывает людей к таким же добрым поступкам и делам:

О, если бы думал так каждый
О людях, что следом идут.

В своих стихотворениях об Армении Е. Николаевская, как и её старшие коллеги по перу — Звягинцева и другие, правильно подмечает, что Армения — страна контрастов.

Жестокость и жалость.
В трапезе —
Сладость,
Горечь и соль,
На сердце —
Тяжесть,
Радость и боль...
Трудно привыкнуть
К людям и нравам,
К острым приправам.

Но берегись, увидавший однажды
Снег Арагаца, взор ослепивший!
Но — берегись, погибавший от жажды
Путник, воды ереванской испивший!

Армения, «эта страна контрастов», всегда творчески вдохновляла и поэтессу Николаевскую, вливая в неё новые силы, окрыляя её воображение, и прав был Тихонов, когда писал: «Каждый советский поэт должен хоть раз в жизни побывать в Армении. Там ждут его открытия и чудеса...»

Число русских поэтов, обращавшихся к теме об Армении, конечно, не ограничивается именами, нашедшими место в этой книге. В плеяде этих поэтов насчитывается много имён, начиная от «певца-гусара» Дениса Давыдова до известных современных русских поэтов. Однако большинство из них воспевало Армению от случая к случаю, посвящая этой теме лишь одно или два стихотворения. Поэтому не все из них могли стать предметом обстоятельного разговора в данной книге.

Прославление дружбы народов в наше время является делом чести и высокого долга. С каждым днём число поэтов, которые приходят на смену своим старшим братьям по перу, растёт. Их влечёт к себе не восточная экзотика Армении, а её древняя культура, сам свобододолюбивый древний народ.

Иными были условия в те мрачные годы, когда об Армении писали русские поэты прошлых поколений. Что сулило им «открытие» Армении, изображение тружеников этой страны, работавших в поте лица на кровавых нивах родного края? Насмешки и гонения. Бывали и факты безжалостного изъятия книг наших русских братьев по перу. Тем не менее лира неподкупных друзей не умолкала и не исторгала неверных звуков. Дело их было трудным, но ведь «лавры ценны, когда приобретаются с трудом».

Честь и хвала поэтам, воспевшим Армению, шагавшим по её «звонящим кровью дорогам». Хвала и новым русским поэтам, шагающим ныне по возрождённой цветущей Армении с новыми песнями на устах.

*Ар*МЕНИЯ
ВСТАВАЛА
ОТКРО-
ВЕНЬЕМ."

Д. ДАВЫДОВ

ПОЛУ-СОЛДАТ

...Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагёз, нахмуясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;

И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь серебристых облаков
Луна плывёт над Араратом.

Но воин наш не упоён
Ночную роскошью полуденного края...
С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон
Казбека груды снеговая...

На нём знакомый вихрь, на нём громады льда,
И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая недоступном,
Горит родимая звезда.

1829

А. ПУШКИН

ДОН

Блеща средь полей широких,
Вон он льётся!.. здравствуй, Дон!
От сынов твоих далёких
Я привёз тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привёз тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

1829

1.

Зачем раздался гром войны
Во славном царстве Зензевея,
Поля и села зажжены...

2.

(В Армению, в палаты Зензевея)
Съезжаются могучие дари,
Царевичи, князья, богатыри,
Армянский царь их ласково встречая
Готовит пир-столы свои
И с ними добрый Зензевей
Пирует ровно 40 дней.

3.

Себе ты выбрал, Зензевей,
Кого союзником и другом?
Кто будет щастливым супругом
Царевны, дочери твоей?
Она мила, как (ландыш) мая,
Резва, как лань кавказских гор...
(Невинна, как...)

«Бова»

1822

Я. ПОЛОНСКИЙ

АРАРАТ

«Я помню, как на дно земли
Всемирного потопа воды
По крутизнам моим текли,
Как обновлялся вид природы!

Я помню, как с моих вершин
Сходило по крутым ступеням
На лоно девственных долин
Семейство Ноя к новым сеням.

Там пред порогом новых хат
Дымились жертвоприношенья;
Там рдел на солнце виноград,
Дар божьего благословенья...

И с той поры никто ходить
Не смел по высоте священной,
И тщетно думал дерзновенный
Наверх отважный путь пробить:

Дорогу вихри заметали,
И за утёсом ледяным
Навстречу новые вставали,
Грозя обвалом снеговым.

Никто не совершил ночлега,
Никто костей не положил
Там, где нетленный труп ковчега
Я в хладных недрах схоронил.

К моим громадам собиралась
Лишь туч угрюмая семья,
В мои уступы упиралась
Лишь радуги цветной дуга...»

НЕ ЖДИ

Я не приду к тебе... Не жди меня! Недаром,
Едва потухло зарево зари,
Всю ночь зурна звучит за Авлабаром.
Всю ночь за банями поют сазандари.

Здесь тёплый свет луны позолотил балконы,
Там углубились тени в виноградный сад,
Здесь тополи стоят, как тёмные колонны,
А там, вдали, костры весёлые горят —

Пойду бродить! Послушаю, как льётся
Нагорный ключ во мгле заснувших Саллалак,
Где звонкий голос твой так часто раздаётся,
Где часто, вижу я, мелькает твой лачак.

Не ты ли там стоишь на кровле под чадрую,
В сиянье месячном?! — Не жди меня, не жди!
Ночь слишком хороша, чтоб я провёл с тобою
Часы, когда душе простора нет в груди;

Когда сама душа — сама душа не знает,
Какой любви, каких ещё чудес
Просить или желать — но просит, но желает —
Но молится пред образом небес.

И чувствует, что уголок твой душен,
Что не тебе моим молениям отвечать, —
Не жди! — я в эту ночь к соблазнам равнодушен —
Я в эту ночь к тебе не буду ревновать.

1849

САЯТ-НОВА

Много песков поглощают моря, унося их волнами,
Но берега их сыпучими вечно покрыты песками.

Много и песен умчит навсегда невозвратное время —
Новые встанут певцы, и услышит их новое племя.

Если погибну я, знаю, что мир мои песни забудет!
Но для тебя, нежный друг мой, другого певца уж не будет.

Если погибну я, знаю, что свет не заметит утраты;
Ты только вспомнишь те песни, под звуки которых цвела ты.

Я просветил твоё сердце — а ты, ты мой ум помрачила;
Я улыбаться учил — а ты плакать меня научила.

Так, если смолкну я, страстно любя тебя, друг благородный,
Где — разреши мне последний вопрос мой, — где будет холодный

Прах мой покоиться? там ли — в далёких пределах чужбины,
Здесь ли, в саду у тебя, близ тебя, под навесом раины?..

1851

А. КУЛЕБЯКИН

АРДАМЕТ

Поверхность успокоенного Вана
Покачивает нити переливов.
И в воздухе прозрачном до обмана
Всё сине над зазубринами гор.

И берег с перегибами заливов
Вершинами соседнего Вастана¹,
И пятнами причудливых обрывов, —
Как старый гобеленовый ковёр.

Над озером у берега стоят
Развалины забытой Артемиды².
Террасами спускаются подряд
Старинные сады Семирамиды.

Ветвисто зеленеют тополя
И высятся сквозящими рядами,
И озеро волнами хрусталя
Внизу переливает за садами.

Канавы переполнены водой,
С журчанием бегущей под мостками,
И отзвуками жизни молодой
Беседуют деревья с ручейками.

И шорох перепутанных стеблей,
И звуков отдалённых переклички
В ветвистых переплётах тополей
Задорно пересвистывают птички.

И щётки разрастающихся трав
Булжжные постройки оттеняют,
И стоки из запущенных канав
Зелёные низинки наводняют.

Террасы опускаются везде,
Заросшие тенистыми кустами,
И чётко отражаются в воде,
Играя переливными цветами.

И Ванская прозрачная волна
Подрытые уступы омывает,
Просвечивает камешками дна
И к берегу, плескаясь, приливает.

¹ Турецкое селение Вастан — в 92 верстах от г. Вана. По-армянски Востан.

² Ардамет, Ардамида или Адрамет — турецкое селение на берегу Ванского озера.

За озером серебряный Сипан
Желтеет оголёнными боками
И кутается в призрачный туман,
Вершину прикрывая облаками.

И полосы синеют в серебре
Зеркально-переменчивого Вана,
А каменная кладка на горе
Чернеется, как башня великана.

И берег подымается грядой
С развалинами древней Артемиды,
И чудно зеленеют над водой
Висящие сады Семирамиды.

И, солнечною лаской упоенный,
Весь берег испаряется и дышит,
И с сумраком под сеткою зелёной
Играет затеняющийся свет.

СОНЕТ-АКРОСТИХ

Ованесу Туманяну

О чём грустишь, задумчивый поэт?
В твоих глазах мы видим тень укора.
Армянский бард! Ты грустен, что не скоро
Народам Бог пошлёт покой от бед.

Но это будет: стихнут волны спора.
Едва в сердцах забрезжит новый свет —
Святой огонь... Уже полсотни лет
Тоска о нём твои туманит взоры.

Уныл наш мир, как тёмный жуткий лес,
Могила грёз, святилище обмана.
А всё ж и в нём сквозит лазурь небес.

Нет! не померкнет солнце Айастана!
Яснеет даль: ты видишь, Ованес?..
Не умолкай: нам нужно Туманяна!!.

Ю. ВЕСЕЛОВСКИЙ

АРМЕНИЯ

Есть древний край — о нём давно забыли,
Но вспомнить вновь судьбу его пора!
О, тяжелы его страдания были...
Он смерти ждал — но дожил до утра.

В былые дни он знал иную долю,
Свободных стран изведаль он удел!
Он вёл борьбу за веру, честь и волю,
В глухую ночь, как светоч, он горел.

Те дни прошли... Покорен и печален
Стал древний край, тяжёлым сном объят.
Он был теперь страной немых развалин,
Угасших грёз, разрушенных палат.

Где прежде жизнь свободно расцветала,
И бодрых сил исполнен был народ,
Склонив чело, всё молча трепетало,
Снося врагов тяжёлый, грубый гнёт...

Страна борцов, подвижников, героев!
Ты скорбный крест, Армения, несла...
Средь диких зверств, пожаров и разбоев
Грозилась смерть — но ты не умерла!

Пусть ты была безмолвна, как могила,
Угасла жизнь, не стало красоты, —
Но ты в душе глубоко сохранила
Счастливых лет порывы и мечты.

И в дни борьбы великой и тревожной
Вновь над тобой рассеялся туман, —
И стала вновь твоя мечта возможной,
Забытый край, печальный край армян!

Встречая тех, кто нёс им избавленье,
Твои сыны рвались отважно в бой, —
И там, где жизнь сулила лишь мученье,
Там новый путь открылся пред тобой.

Пусть злобен враг, — и, как в былые годы,
Твоих детей несчастных льётся кровь:
Армянский край, ты долго ждал свободы, —
Твой близок день... он не померкнет вновь!

В ПРЕДДВЕРИИ НОВОГО ГОДА

...Чего армянскому народу
Мне пожелать на Новый Год?
Добыть заветную свободу,
Идти бестрепетно вперёд!

Пусть тучи мрачные покрыли
Опять наш общий небосклон:
Свободу много раз губили, —
Кто духом смел, не гибнет он!

В те дни, когда кругом — мученье,
Нужда, раздоры и захват,
Я верю: близко обновленье,
Не может жизнь пойти назад!

И, как для русского народа
Не вечен грубой силы гнёт,
Пусть долгожданная свобода
И для Армении блеснёт!

1918

В. БРЮСОВ

К АРМЕНИИ

В тот год, когда господь сурово
Над нами длань отяготил, —
Я, в жажде сумрачного крова,
Скрываясь от лица дневного,
Бежал к бесстрастию могил.

Я думал: божескую гневность
Избуду я в святой тиши:
Смирит тоску седая древность,
Тысячелетних строф напевность
Излечит недуги души.

Но там, где я искал гробницы,
Я целый мир живой обрёл:
Запели, в сретенье денницы,
Давно истлевшие цевницы,
И смерти луг — в цветах расцвёл.

Не мёртвым голосом былины, —
Живым приветствием любви
Окрестно дрогнули долины,
И древний мир, как зов единый,
Мне грянул грозное: Живи!

Сквозь разделяющие годы
Услышал я ту песнь веков,
Во славу благостной природы,
Любви, познания и свободы,
Песнь цепь ломающих рабов.

Армения! Твой древний голос —
Как свежий ветер в летний зной!
Как бодро он взвывает волос,
И, как дождём омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!

Москва, Тифлис
9 декабря 1915

К АРМЯНАМ

Да! Вы поставлены на грани
Двух разных спорящих миров,
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.

Все бури, все волненья мира,
Летя, касались вас крылом, —
И гром глухой походов Кира,
И Александра бранный гром.

Вы низили, в смятеньи стана,
При Каррах римские значки;
Вы за мечом Юстиниана
Вели на бой свои полки;

Нередко вас клонили бури,
Как вихри — нежный цвет весны, —
При Чингис-хане, Ленгтимуре,
При мрачном торжестве Луны.

Но, воин стойкий, под ударом
Ваш дух не уступал Судьбе, —
Два мира вокруг него недаром
Кипели, смешаны в борьбе.

Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все отсветы храня:
И краски нежных роз Шираза,
И блеск Гомерова огня.

И уцелел ваш край Наирский
В крушеньях царств, меж мук земли:
Вы за оградой монастырской
Свои святыни сберегли.

Там, откровенья скрыв глубоко,
Таила скорбная мечта
Мысль Запада и мысль Востока,
Агурамазды и Христа, —

И ключ божественной услады,
Нетленный в переменах лет,
На светлом пламени Эллады
Зажжённый — ваших песен свет!

И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племён,
Вы встали обликом суровым
Для нас таинственных времён.

Но то, что было, вечно живо,
В былом — награда и урок,

Носить вы вправе горделиво
Свой многовековой венки.

А мы, великому наследью
Дивясь, обеты слышим в нём...
Так! Прошлое тяжёлой медью
Гудит над каждым новым днём.

И верится, народ Тиграна,
Что, бурю вновь преодолев,
Звездой ты выйдешь из тумана,
Для новых подвигов созрев,

Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве высшем соединит!

23 января 1916
Тифлис

К АРАРАТУ

Благодарю, священный Хронос!
Ты двинул дней бесцветных ряд —
И предо мной свой белый конус
Ты выишь, старый Арарат!

В огромной шапке Мономаха,
Как властелин окрестных гор,
Ты взнёсся от земного праха
В свободно-голубой простор.

Овеян ласковым закатом
И сизым облаком повит,
Твой снег сияньем розоватым
На кручах каменных горит.

Внизу, на поле каменистом,
Овец ведёт пастух седой,
И длинный посох, в свете мгlistом,
Похож на скипетр вековой.

Вдали — убогие деревни,
Уступы, скалы, камни, снег...
Весь мир кругом — суровый, древний,
Как тот, где опочил ковчег.

А против Арарата, слева,
В снегах, аля, Алагяз,
Короной венчанная дева,
Со старика не сводит глаз.

1916, Эчмиадзин

АРАРАТ ИЗ ЭРИВАНИ

Весь ослепительный, весь белый,
В рубцах задумчивых морщин,
Ты взнёс над плоскостью равнин
Свой облик древле-онемелый,
Накинув на плечи покров
Таких же белых облаков.

Внизу кипят и рукоплещут
Потоки шумные Зангу;
Дивясь тебе, на берегу
Раины стройные трепещут,
Как белых девственниц ряды,
Покрыв застывшие сады.

С утёса стены Саардара,
Забыв о славе прошлой, ждут,
Когда пройдёт внизу верблюды,
Когда домчится гул с базара,
Когда, с мурлыканьем, купец
Протянет блеющих овец.

Но ты, седой Масис, не слышишь
Ни шумных хвал, ни нужд земных,
Ты их отверг, ты выше их,
Ты небом и веками дышишь,
Тебе шептать — лишь младший брат
Дерзает — Малый Арарат.

И пусть, взглянув угрюмо к югу
Как древле, ты увидишь вновь —
Дым, сталь, огни, тела и кровь,
Миры, грозящие друг другу:
Ты хмурый вновь отводишь лоб,
Как в дни, когда шумел потоп.

Творенья современник, ведал
Ты человечества конец,
И тайну новых дней Творец
Твоим седидам заповедал:
Встав над кровавостью равнин,
Что будет — знаешь ты один.

9 декабря 1916
Эривань

ТИГРАН ВЕЛИКИЙ

В торжественном, лучистом свете,
Что блещет сквозь густой туман
Отшедших вдаль тысячелетий, —
Подобен огненной комете,
Над миром ты горишь, Тигран!

Ты понял помыслом крылатым
Свой век, ты взвесил мощь племён.
И знамя брани над Евфратом
Вознёс, в союзе с Митрадатов,
Но не в безумии, как он.

Ты ставил боевого стана
Шатры на всех концах земных:
В горах Кавказа и Ливана,
У струй Куры, у Иордана,
В виду столиц, в степях нагих.

И грозен был твой зов военный,
Как гром, спадавший на врагов:
Дрожал, заслыша, парф надменный,
И гневно, властелин вселенной,
Рим отвечал с семи холмов.

Но, воин, ты умел Эллады
Гармонию и чару чтить:
В стихах Гомера знал услады,
И образ Мудрости — Паллады
С Нанэ хотел отождествить!

Ты видел в нём не мёртвый идол;
Свою заветную мечту,
Вводя Олимп в свой храм, ты выдал:
Навек — к армянской мощи придал
Ты эллинскую красоту!

И, взором вдаль смотря орлиным,
Ты видел свой народ в веках
Стоящим гордо исполином:
Ты к светлым вёл его годинам
Через войны, чрез тоску и страх...

Когда ж военная невзгода
Смела намеченный узор, —
Ты помнил благо лишь народа,
Не честь свою, не гордость рода, —
Как кубок яда, пил позор.

Тигран! мы чтим твой вознесённый
И лаврами венчанный лик!

Но ты, изменой угнетённый,
Ты, пред Помпеем преклонённый
Во имя родины, — велик!

11 декабря 1916

Ивану Фадеевичу Туманяну,
поэту,
блистательнейшей звезде
светлого трёхзвездья армянской поэзии

...Да будет праведно возмездие
Судьбы — и в годах и в веках!
Так! создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.

Пусть звёзды, малые и крупные,
Вокруг тебя пронзают тьму:
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянию твоему!..

1916 г. 25 февраля
Москва

ПОБЕДА ПРИ КАРРАХ

53 г. до Р. Х.

Забуть ли час, когда у сцены,
Минуя весь амфитеатр,
Явился посланный Сурены
С другой, не праздничной арены, —
И дрогнул радостью театр!

Актёр, играя роль Агавы,
Из рук усталого гонца
Поспешно принял символ славы,
Трофей жестокий и кровавый
С чертами римского лица.

Не куклу с обликом Пенфея, —
Но вражий череп взнёс Ясон!
Не лживой страстью лицедея,
Но, правым гневом пламенея,
Предстал пред зрителями он.

Подобен воинскому кличу
Был Еврипида стих живой:
«Мы, дедовский храня обычай,
Несём из гор домой добычу,
Оленя, сбитого стрелой!»

Катясь, упала на подмости.
Надменный Красс, твоя глава.
В ответ на стук, глухой и жёсткий,
По всем рядам, как отголоски,
Прошла мгновенная молва.

Всё понял каждый. Как в тумане,
Вдали предстало поле Карр,
И стяг армянский в римском стане...
И грянул гул рукоплесканий,
Как с неба громовой удар.

В пыланье алого заката,
Под небом ясно-голубым,
Тем плеском, гордостью объята,
Благодарила Арташата,
Царя, унизившего Рим!

ВАС. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

ЗА ЧТО?

(Посвящается г. Суслову и ему подобным)

Над чем ваш дикий смех, слепое осужденье
И злая ненависть? Как будто в вражий стан
Попали мы сюда на казнь и поношенье...
О, если б летопись кровавую армян
Могли бы вы узнать!..

И славны и могучи
Когда-то были мы. На рубежах родных
Дружины смелые сбиралися, как тучи
В громах и молниях, на стражу прав святых...
В Армении цвела великая свобода,
Благословенный труд счастливых деревень.
В руинах царственных погибшего народа —
Вам не понять его тоскующую тень.
У наших алтарей не ваши ли молитвы?
Не тот же ли у нас животворящий крест?
Мы вместе с вами шли в огонь священной битвы
За общую судьбу одних и тех же мест.

Да, правда, мало нас! И меньше с каждым годом
Становится армян... Осмеивайте их!
Но ведь вы тешитесь над жертвенным народом,
Распятым, как Христос, на рубежах своих.
Мы на Голгофу шли с восторженной любовью,
И в тёмные века боролись мы одни.
Могли бы напоить мы ад своею кровью
И погасить его багровые огни.

А унижения мучительного плена?
А пытки, а позор, а горе и боязнь?
О, нас спасли бы всех предательство, измена,
Но мы — мы выбрали апостольскую казнь.
Надгробный слышен плач над братской и великой
Могилою армян и погребальный звон...
Стыдитесь! Жалок смех вражды и злобы дикой
В благоговейный час народных похорон.

1916

ВЕСНОЮ

(Из армянских впечатлений 1914 г.)

Цвели застенчивые розы
Благоуханною весной.
Капризно-вьющиеся лозы
Убрались листвой золотой.

Родной земли открылось лоно.
Пьянела мысль... Бродила кровь.
И с страстной жаждой у балкона
Уста гранат пылали вновь.

Тысячерукие титаны
Полузабытой старины,
Благословляли нас платаны
Прохладной вечной тишины.

Природа-мать, лаская око,
Щедрее ткала каждый день
Цветами пышного Востока
Печаль сожжённых деревень.

Святых вершин живые воды
Стремилась в рай родных долин:
Уже встречал зарю победы
Весёлой песней армянин.

Неописуемые муки
Свивались прочь, как злые сны,
Под эти радостные звуки
На светлом празднике весны.

Быстрее птиц слетались вести:
«Вставай, молись, спасенья жди!
Идут бойцы народной чести,
Освобождения вожди».

«Как тучи гневной непогоды
В туманах Севера, они
Таят в рядах своих свободы
Молниеносные огни...»

«Мы верим, близок час расплаты!
За ружья, в строй! Воскресший брат,
Ты слышишь дальние раскаты, —
Побед обещанных набат?..»

И если пасть судьба сулила,
Так лучше встретить смерть в бою, —
Чем гнить, как смрадная могила,
В тобою преданном краю.

С. ГОРОДЕЦКИЙ

АРМЕНИИ

Как перед женщиной, неведомой и новой,
В счастливом трепете стою перед тобой.
И первое сорваться с уст боится слово,
И первую смущаются глаза мольбой.

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
Друг другу золотые двери отворить.
Армения, звенящая огнём и кровью!
Армения, тебя хочу я полюбить!

Я голову пред древностью твоей склоняю,
Я красоту твою целую в алые уста.
Как странно мне, что я тебя ещё не знаю,
Страна-кремень, страна-алмаз, страна-мечта!

Иду к тебе. Привет тебе! Я сердцем скорый,
Я оком быстрый. Вот горят твои венцы —
Жемчужные, алмазные, святые горы;
Я к ним иду. Иду во все твои концы.

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
И воскресенья весть услышать над тобой.
Армения, звенящая огнём и кровью!
Армения, не побеждённая судьбой!

1916

АНГЕЛ АРМЕНИИ

Он мне явился в блеске алых риз
Над той страной, что всех несчастней стран.
Одним крылом он осенял Масис,
Другим — седой от горьких слёз Сипан.

Под ним, как туча, тёмн и тяжёл,
Сбираясь по долинам голубым,
С испепелённых, разорённых сел
Струился молчаливый, душный дым.

Под ним на дне ущелий, в бездне гор,
В ненарушимой тишине полян,
Как сотканный из жемчугов ковёр,
Сияли кости белые армян.

И где-то по тропиночке брели
Измученной, истерзанной толпой
Последние наследники земли
В тоске изнеможения слепой.

Был гневен ангел. Взор его пылал,
Как молнии неудержимых гроз.
И словно пламень, замкнутый в опал,
Металось сердце в нём, алее роз.

И высоко в руках богатыря
Держал он радугу семи цветов.
Его чело светилось, как заря,
Уста струили водопады слов:

— Восстань, страна, из праха и руин!
Своих сынов рассеянных сомкни
В несокрушимый круг восторженных дружин!
Я возвещаю новой жизни дни.

Истлеет марево враждебных чар,
И цепи ржавые спадут, как сон,
Заветный Ван и синий Ахтамар
К тебе вернуться из былых времён.

Восстань, страна! Воскресни, Айастан!
Вот радуги я поднял над тобой.
Ты всех земных была несчастней стран,
Теперь счастливой осенись судьбой!

1918

С. ШЕРВИНСКИЙ

ПАТРИАРХАЛЬНАЯ ЗИМА

А я люблю пустынный Алагез,
Когда одетый донизу снегами
Он отрешённо смотрит в синь небес,
И лишь Касах струится под ногами.

Пора зимы покойна и легка;
Неспешный день не проливает пота,
Чернеют гордо башни кизяка
И льнёт к огню домашняя работа.

В прозрачности, похожей на весну,
То горьковатым вдруг потянет дымом,
То чей-то зов пронизет тишину,
А горный склон в сияньи нестерпимом.

ЭЧМИАДЗИН

(Двадцатые годы)

В пыль приседают верблюдов горбы.
Кресло пустует индийской резьбы.
Кисти чужой кипарисы и розы
Просалили белый как воск амвон.
Чёрные Мкртичи и Мартиросы
Сдёргивают с купола тоненький звон.
Темень отпрянет песчаной бури —
И лбы наклоняются к миниатюре
В тоске, что когда-то умел монах
В узорочье вписывать лазоревых птах
Под тонконогой, с подхватами скиньицей.
Глазок монашеских угольки
Угожливо водят по затхлоу ризнице,
Где злomu поветрию вопреки
Милостью божией не знали изъятия
Жезлы, потиры, пелен шитьё
И кем-то подобранное вблизи распятыё
И золотом охваченное копъё.
За оградой сады румянят плоды,
А здесь из глиняной немочи —
Ветла, что метла, и следы у воды
Расходят сплетен мелочи.
Скучатся где-нибудь более двух,
Вздыхают: а было ль пророчество,
Чтобы угодников плотский дух
Обидел таким одиночеством?
Озарён ереванской турбиной,

Край и за полночь не тонет во тьме.
Вот миновали мы приют голубиный,
Узкоокий храм Рипсимэ.
Золотые сады сардара
Обвевал на лету бензин.
Так отведал я древнего дара,
Таким увидел Эчмиадзин.

* * *

Воочию крошатся день за днём
Засохшим крылом саранчи —
Закалённые древним иранским огнём
Изузоренные кирпичи.

Береги, Ереван, ненавистные
Голубые мечети свои,
Где деревья сомкнулись неистово,
Осенив водоёмов струи.

Их живые силы оставили,
Здесь безмолвие, бровь не хмурь.
Неповинны вожжённые в кафели
Светлый кадмий, роза, лазурь.

Пусть красуются усыпленные,
И пусть в положенный срок
Их разрушат враги законные:
Время, ветер, песок.

В МАСТЕРСКОЙ САРЬЯНА

С юности помню пальму и мула,
И маски; краску пятна, полосы.
Режущее-рыжая щель переулка,
Кобальтом тени, сажаю псы.

Садов зелёные с просинью тени,
Колхозницы к лозам под солнцем клонятся,
Над плоской хижиной пшат весенний,
Нагорье спалённое, сонная звонница...

Плоды — за хозяев на пиршестве зрения;
Цветы и цвета, цвета и цветы, —
Земля сладчайшая, это Армения,
Это Сарьяна святая святых.

Прислушайся, — это звенит издалёка,
По праву печальна и горяча,
Из тучи, луча, от сельского тока
Народная песня и кяманча.

Всмотрись в свидетельство жизни зрелой,
В бесстрашно-тройственный автопортрет,
Где юный, седеющий и поседелый, —
Всех краше в центре, под старость лет.

Встретишь Лозинского, Орбели, Игумнова
И столько живых дорогие черты.
Запомнишь сокровище сердца разумного,
У зеркала женщину — две красоты.

Скоро, в сезон Араратов блёклых,
Гроздьев наморщенных, снежных тем
Вспыхнет у камня ступенек мокрых
Жёлтый и белый огонь хризантем.

Художник — перед полотнищем новым.
Тихо по-зимнему. Только звучат
Где-то внизу голоса из столовой —
Черноволосых его внучат.

1985

Н. ТИХОНОВ

АРМЕНИЯ

В ладонях гор, расколотых
Стозвучным ломом времени,
Как яблоко из золота,
Красуется Армения.

Клыки войны и пламени
Подрублены вокруг,
Под свежим, мирным знаменем
Проходит полем плуг.

Клянся Араратом
И Арагацем тучным,
Она признала братом
Работы день насущный.

И Дилижанским лесом,
И медью Зангезура,
И валом Дзорагэса
Владеет день лазурный.

Перед азийской глубиной
Племён, объятых ленью,
Форпостом трудолюбья
Красуется Армения.

1924

АВЕТИКУ ИСААКЯНУ

Послушай хор сердечных голосов
На высоте, прозрачным утром рано,
То песня гор, полей, ручьёв, лесов
Иль то стихи звучат Исаакяна.

Да, то стихи, что леса веселей,
Звучней ручья и ветра над Севаном,
В них мир труда, любовь родных полей,
Всё, что зовут в стихах Исаакяном.

И виден нам народный их исток, —
Родник студёный, бьющий на поляну,
И календарный шепчет нам листок,
Что вновь весна пришла к Исаакяну.

Пускай пришла осеннею тропой,
Мы говорим сквозь даль её тумана:
Пусть вечно бьёт под вечною весной
Нам стиховой родник Исаакяна.

НАД СЕВАНОМ

Армения вставала откровеньем
в своей красе суровой неспроста,
мы шли с утра, как будто по ступеням
гигантского Гегамского хребта.

Шли между скал и всплесками тумана,
вёл над Севаном, точно в небо, путь,
как будто звал нас голос Туманяна
на песенных высотах отдохнуть.

И мы взошли, и яркий мир открылся —
ущелья разноцветные у ног,
вдали Масис, как снежный дом, дымился
среди сверкавших Туманяна строк.

Как радуга, они связали выси
людей и землю сказочных высот,
звеня, светясь, земную страсть превысив,
и бросив сердце в песенный полёт!

1968

О. МАНДЕЛЬШТАМ

АРМЕНИЯ

Как бык шестикрылый и грозный,
Здесь людям является труд,
И, кровью набухнув венозной,
Предзимние розы цветут.

1

Ты розу Гафиза колышешь
И нянчишь зверушек-детей,
Плечьми осьмигранными дышишь
Мужицких бычачьих церквей.

Окрашена охрою хриплой,
Ты вся далеко за горой,
А здесь лишь картинка налипла
Из чайного блюдца с водой.

2

Ты красок себе пожелала —
И выхватил лапой своей
Рисующий лев из пенала
С полдюжины карандашей.

Страна москательных пожаров
И мёртвых гончарных равнин,
Ты рыжебородых сардаров
Терпела средь камней и глин.

Вдали якорей и трезубцев,
Где жухлый почил материк,
Ты видела всех жизнелюбцев,
Всех казнелюбивых владык.

И, крови моей не волнуя,
Как детский рисунок просты,
Здесь жёны проходят, даруя
От львиной своей красоты.

Как люб мне язык твой зловещий,
Твои молодые гроба,
Где буквы — кузнечные клещи
И каждое слово — скоба...

3

Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло,
Всех-то цветов мне осталось лишь сурик да хриплая охра.

И почему-то мне начало утро армянское сниться;
Думал — возьму посмотрю, как живёт в Эривани синица,
Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки,
Из очага вынимает лавашные влажные шкурки...

Ах, Эривань, Эривань! иль птица тебя рисовала,
Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?

Ах, Эривань, Эривань! не город — орешек калёный,
Улиц твоих большеротых кривые люблю вавилоны.

Я бестолковую жизнь, как мулла свой коран, замусолил,
Время своё заморозил и крови горячей не пролил.

Ах, Эривань, Эривань! ничего мне больше не надо,
Я не хочу твоего замороженного винограда!

4

Закутав рот как влажную розу,
Держа в руках осьмигранные соты,
Всё утро дней на окраине мира
Ты простояла, глотая слёзы.

И отвернулась со стыдом и скорбью
От городов бородатых востока;
И вот лежишь на москательном ложе
И с тебя снимают посмертную маску.

5

Руку платком обмотай и в венценосный шиповник,
В самую гущу его целлулоидных терний
Смело, до хруста её погрузи. Добудем розу без ножниц.
Но смотри, чтобы он не осыпался сразу —
Розовый мусор — муслин — лепесток соломоновый —
И для шербета негодный дичок, не дающий ни масла, ни запаха.

6

Орущих камней государство —
Армения, Армения!
Хриплые горы к оружию зовущая —
Армения, Армения!
К трубам серебряным Азии вечно летящая —
Армения, Армения!
Солнца персидские деньги щедро раздаривающая —
Армения, Армения!

7

Не развалины — нет, — но порубка могучего циркульного леса,
Якорные пни поваленных дубов звериного и басенного христианства,

Рулоны каменного сукна на капителях, как товар из языческой разграбленной лавки,
Виноградины с голубиное яйцо, завитки бараньих рогов
И нахохленные орлы с совиными крыльями, ещё не осквернённые Византией.

8

Холодно розе в снегу:

На Севане снег в три аршина...
Вытащил горный рыбак расписные лазурные сани,
Сытых форелей усатые морды
Несут полицейскую службу
На известковом дне.

А в Эривани и в Эчмиадзине

Весь воздух выпила огромная гора.
Её бы приманить какой-то окариной
Иль дудкой приручить, чтоб таял снег во рту.

Снега, снега, снега на рисовой бумаге.

Гора плывёт к губам.
Мне холодно. Я рад...

9

О порфирные цокая граниты,
Спотыкается крестьянская лошадка,
Забираясь на лысый цоколь
Государственного звонкого камня.
А за нею с узелками сыра,
Еле дух переводя, бегут курдины,
Примирившие дьявола и бога,
Каждому воздавши половину...

10

Какая роскошь в нищенском селенье —
Волосяная музыка воды!
Что это? пряжа? звук? предупрежденье?
Чур-чур меня! Далёко ль до беды!
И в лабиринте влажного распева
Такая душная стрекочет мгла,
Как будто в гости водяная дева
К часовщику подземному пришла.

11

Я тебя никогда не увижу,
Близорукое армянское небо,
И уже не взгляну прищурясь
На дорожный шатёр Арарата,
И уже никогда не раскрою
В библиотеке авторов гончарных

Прекрасной земли пустотелую книгу,
По которой учились первые люди.

12

Лазурь да глина, глина да лазурь,
Чего ж тебе ещё? Скорей глаза сощурь,
Как близорукий шах над перстнем бирюзовым,
Над книгой звонких глин, над книжною землёй,
Над гнойной книгою, над глиной дорогой,
Которой мучимся как музыкой и словом.

Ноябрь, 1930

В. ЗВЯГИНЦЕВА

МОЯ АРМЕНИЯ

И куда же меня занесло?
От черёмух, плетней и акаций
Перекинуло к солнцу в жерло,
К лиловатым снегам Арагаца!

Не в библейский, — в сегодняшней рай,
В терпкий запах рехана и перца,
В этот рыжий обветренный край,
Где от песен заходится сердце.

В детстве — рожь, курслеп на лугу...
А теперь не прожить мне и часа,
Не подумав о бурной Зангу,
О певучей весне Комитаса.

Я отказываюсь разгадать,
Что в меня эту страсть заронило, —
Очень русской была моя мать,
Небо севера было ей мило.

И сама я любила не зной,
А морозец весёлый и прочный.
Что же это случилось со мной,
Что мне в пышности этой восточной?!

Впрочем, я и не вижу её,
Мне другое в Армении любо —
Околдовано сердце моё
Красотою и горькой и грубой.

Я люблю этих смелых людей,
Может быть, иногда и недобрых;
Терпеливых седых матерей, —
Вот Армении подлинный образ.

Я люблю эту мудрость веков,
Лебединые женские пляски,
Медь горячих тяжёлых стихов
И полотен сарьяновских краски.

Не зови же смешным, не зови
Беспокойное это пристрастье.
В этой поздней нелёгкой любви
Мне самой непонятное счастье.

* * *

Как влюбляются в человека,
В голос, жест, висков седину,
Так под ветром большого века
Я влюбилась в одну страну.

Нужно много ночей, рассветов,
Новостроек, рек обогнуть,
Чтобы сказочный рёв Дэбета
Холодком вдруг ударил в грудь,

Чтобы стало легко и страшно
Вдруг войти в ущелье Лори,
Чтобы в скалы входить, как в башни,
Как в былое — в монастыри.

Ветром выписанные фрески
В камнях видеть мне довелось,
Полюбить навек этот резкий
Край сухого зноя и лоз.

Я такого большого неба
Не видала ещё нигде,
Звёзд таких, как озёра. Мне бы
Погостить на такой звезде!

Зачарованным взором вижу
Древних плит кружевной узор,
Вижу складки розово-рыжих
Этих, словно слоёных, гор.

Мы стоим у раскопок Двина,
Вот находка в моей руке, —
Времена слились воедино
В голубом этом черепке.

Словно в переключь с давней эрой
Тут вступает армянский саз.
Ереванские пионеры
Так встречали стихами нас,

Что, бледнея от вдохновенья,
Тронул руку мою сосед,
И увидела я, в смятенье,
На щеке его слёзный след.

Сколько б жить ни пришлось на свете,
Не забудем мы, мой собрат,
Как поют армянские дети,
Как гортанной бронзой звенят,

Как в сентябрьском осеннем блеске
Ворковал меж камней ручей.
Не забудем в садах библейских
Наших дружественных речей.

АРМЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Глаза — как большие чёрные слезы,
Обветренный камень щёк...
И песня — такая, что все угрозы,
Все беды сбивает с ног.

Скрестите мне руки, закройте веки, —
Я всё-таки оживу:
Пройду по горам, все моря и реки
Без страха переплыву!

К приснившимся мне наяву нагорьям
Опять я приду, опять,
Я с ними не стану делиться горем,
Ни плакать, ни тосковать...

Я буду армянские песни слушать,
Встречать над Зангу зарю
И на волоске висящую душу
Сухой земле подарю.

АВЕТИК ИСААКЯН

Еле брезжили краски рассвета
В те далёкие годы, когда
Побратались в стихах два поэта,
Чтоб остаться в родстве навсегда.

Словно оклик из глуби колодца
Был для Блока глухой этот зов:
«Караван мой бренчит и плетётся
Меж чужих и безлюдных песков...»

Это голосом Исаакяна
Пел и плакал армянский народ.
Тот народ, чьи старинные раны
Беревило ветрами невзгод.

А теперь окрылённые братством
Неразлучны народов сердца.
Стали общим несметным богатством
Благородные песни певца.

От скитальческих зовов печали
До напевов труда и борьбы —

Родниковой струёю журчали
Эти песни армянской судьбы.

Как болит моё сердце, как бьётся
От задумчиво-скорбных стихов:
«Погоди, караван! Мне сдаётся,
Что из родины слышу я зов...»

Не бренчат бубенцы каравана,
Нет безлюдья в армянском краю,
Но в певучести Исаакяна
Я Армении лик узнаю,

Узнаю эти нежность и пламень,
Это вечное детство мечты,
Эту землю, где даже сквозь камень
Пробиваются к солнцу цветы.

И сквозь милых мне черт угловатость
Светит в самой далёкой глуши
«Голубая хрустальная святость»
Неподкупной народной души.

Выйди за город вечером рано,
Чуть обступит тебя синева —
Плещет песнями Исаакяна
Серебристого пшата листва.

М. ПЕТРОВЫХ

АРМЕНИЯ

На свете лишь одна Армения,
Она у каждого — своя.
От робости, от неумения
Её не воспевала я.

Но как же я себя обидела —
Я двадцать лет тебя не видела,
Моя далёкая, желанная,
Моя земля обетованная!

Поверь, любовь моя подспудная,
Что ты — мой заповедный клад,
Любовь моя — немая, трудная,
Любое слово ей не в лад.

Со мною только дни осенние
И та далёкая гора,
Что высится гербом Армении
В снегах литого серебра,

Та величавая двуглавая
Родная дальняя гора,
Что блещет вековечной славою,
Как мироздание стара.

И тайна острова севанского,
Где словно дань векам седым —
И своды храма христианского,
И жертвоприношений дым.

Орлы Звартноца в камень врублены,
Их оперенье — ржавый мох...
О край далёкий, край возлюбленный,
Мой краткий сон, мой долгий вздох...

1966

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

(Читая армянскую лирику)

Я человек средневековья,
Я рыцарь, я монах;
Пылаю гневом и любовью
В молитвах и в боях.

Цвет белый не смешаю с чёрным.
Задуй мою свечу —
Я взором жарким и упорным
Их всюду различу.

И я потребую отмщенья
За то, что здесь темно.
Да, я монах, но всепрощенье
Мне чуждо и смешно.

Я пред крестом творю молитву
В мерцании свечи,
И на коне кидаясь в битву,
С врагом скрестить мечи.

1967

* * *

Осень сорок четвёртого года.
День за днём убывающий зной.
Ереванская синь небосвода
Затуманена дымкой сквозной.

Сокровенной счастливою тайной
Для меня эта осень жива.
Не случайно, о нет, не случайно
Я с трудом поднимаю слова, —

Будто воду из глуби колодца,
Чтоб увидеть сквозь годы утрат
Допотопное небо Звартноца,
Обнимающее Арарат.

1968

ЕВГ. ЕВТУШЕНКО

В ЧАРЕНЦАВАНЕ

Речи с музыкой чередовали —
лишь один не сказал свою речь
на открытии в Чаренцаване —
ставший памятником Чаренц.

И, наверное, бредя разбегом,
и печалась, что стала ничьей,
карусель, занесённая снегом,
наблюдала помост для речей.

Карусель чуть была посторонней.
Полуслушая, рядом с ней
ели мальчики прямо с ладоней
пересыпанный солнцем снег.

Им хотелось толкаться, щипаться,
сесть у облака на крыле.
Чуть подталкивали их пальцы
карусель, что примёрзла к земле.

Карусели хотелось размаха.
Наша жизнь — испокон и досель —
то великая сцена, то плаха,
то примёрзшая карусель.

Кто — выкидывает коленца,
кто — подняться не может с колен.
Кто — живёт по примеру Чаренца:
выше всех каруселей и сцен.

Кровь за кровью, резня за резнёю —
вот история этой земли.
Но не вянут цветы над землёю
там, где в землю поэты легли.

Всё во мне — от Гомера, Катулла,
всё в Армении — тоже моё.
Без армянской великой культуры
человечества быть не могло.

Дай, Чаренц, на тебя опереться,
чтоб увидеть библейский рассвет.
Без Армении нету Чаренца.
Без Чаренца Армении нет.

2 февраля 1978 г.
г. Ереван.

* * *

Нет, армянину русский брат не тот,
кто вникнуть в боль Армении не хочет —
лишь, развалясь, коньяк армянский пьёт,
о радио армянском анекдотит.
А тот вам русский брат, что смог понять
весь путь ваш страшный,
 все резни и бойни,
кто вашу боль сумел в себя принять,
как если б это было русской болью.
Мы с вами вместе
 знали столько бед.
И вместе гибли мы на поле брани.
Когда есть братство честное, то нет
ни младших
 и ни старших —
 просто братья,
И потому —
 как отнятый мой брат
неоторвимо и неотрубимо
с мольбою и укором Арарат
зовёт меня,
 как будто армянина.
И верю я —
 настанет день, когда
границ не будет — только арки радуг,
исчезнут в мире злоба и вражда,
и я прижмусь щекою к Арарату.
А если нет —
 лишь бы хватило сил!
Пусть надорвусь,
 пусть мой хребет дробится, —
Я Арарат на плечи бы взвалил
и перенёс его через границу...

В. РОГОВ

ЦАРЬ И ПОЭТ

О. Т. Ганалаяну

Гостя в подвластной Эривани,
Неделю самодержец ждал,
Чтобы укутанный в тумане
Масис двуглавый засверкал,
Открыв брильянтовые грани.
Прошла отбытия пора,
Но дымкою из серебра
Вершина всё была закрыта.
Томился царь, а с ним и свита.
«Какая гордая гора!» —
С уст сорвалось у Николая.
От Эривани отъезжая,
Последний раз метнул он взгляд
Туда, где дымкой непрозрачной
Сокрыт библейский Арарат —
И, раздосадованный, мрачный,
Злой от поездки неудачной,
Коня пришпорив, поскакал
Подальше от горы крамольной,
Земным властям не подневольной,
Миропомазанный капрал.

Порою, для армян суровой,
(Прошло без малого сто лет)
Туда же гость приехал новый,
Могучий северный поэт.
Земля была огнём объята:
Брались за ружья и мечи
По приказанью Талаата
Разнузданные палачи;
Пропитывалась почва кровью,
Тонула в горе и тоске...
Поэт на русском языке
Искал путей к средневековью
И возвращался в наши дни —
И, неким чудесам сродни,
Как феникс, из огня и мрака
Рождались вновь среди Москвы
Четверостишия Кучака
И тахаран Саят-Новы,
И вновь на бой со Мсра-Меликом
Понёс Давида Джалали...
Те, что в народе возросли

Немногочисленном, великом
Тысячелетние мечты,
Рождённые страданием песни
Вернулись в мир из темноты,
Когда он молвил им: «Воскресни!»

В Армению приехал он.
Тумана нет. В огне заката,
Вонзаясь в синий небосклон,
Горят вершины Арарата,
Встают воочью перед ним
Извечным символом народа,
Что, как народ, неистребим.
Сама армянская природа
Великолепием своим
Взялась приветствовать поэта:
В потоках розового света,
Полуночному гостю рад,
Видением величавым Юга
Глазам заступника и друга
Явился древний Арарат.

ДАНИЭЛ ВАРУЖАН

Тоска по красоте в его душе жила,
Бездонной древности его манили чары:
Былые божества, герои-нахарары
И золото полей близ мирного села.

Но беспощадно жизнь иное петь звала:
Невзгоды нищеты и города кошмары
И содрогания от нечестивой кары,
Его сородичам несомой дланью Зла.

И за проклятия взбесившемуся аду,
За клич на правый бой — ужасную награду
Ему разнuzданный готовил произвол:

Не сломленный в плену, в преддверье знойном лета,
Врагу противопостав, он свой венец обрёл —
Классическую смерть армянского поэта.

26.2.68
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

«Армения! Твой древний голос...»

Узнать тебя! Понять тебя!	4
Яков Полонский	11
Алексей Кулебякин	18
Юрий Веселовский	25
Валерий Брюсов	34
Василий Немирович-Данченко	42
Сергей Городецкий	49
Сергей Шервинский	61
Николай Тихонов	68
Осип Мандельштам	81
Вера Звягинцева	91
Мария Петровых	102
Армения в творчестве новейших русских поэтов	109

«Армения вставала откровеньем...»

Д. Давыдов

Полу-солдат	120
-------------	-----

А. Пушкин

Дон	121
«Зачем раздался гром войны...»	121

Я. Полонский

Арарат	123
Не жди	124
Саят-Нова	125

А. Кулебякин

Ардамет	126
Сонет-акростих	128

Ю. Веселовский

Армения	129
В преддверии Нового года	130

В. Брюсов

К Армении	132
К армянам	133
К Арарату	135
Арарат из Эривани	136
Тигран Великий	137
«Да будет праведно возмездие...»	139
Победа при Каррах	140

Вас. Немирович-Данченко

За что?	142
Весною	143

С. Городецкий	
Армении	145
Ангел Армении	146
С. Шервинский	
Патриархальная зима	148
Эчмиадзин	148
«Воочию крошатся день за днём...»	150
В мастерской Сарьяна	150
Н. Тихонов	
Армения	152
Аветику Исаакяну	153
Над Севаном	153
О. Мандельштам	
Армения	155
В. Звягинцева	
Моя Армения	161
«Как влюбляются в человека...»	162
Армянская песня	164
Аветик Исаакян	165
М. Петровых	
Армения	167
Средневековье	168
«Осень сорок четвёртого года...»	169
Евг. Евтушенко	
В Чаренцаване	170
«Нет, армянину русский брат не тот...»	171
В. Рогов	
Царь и поэт	173
Даниэл Варужан	175

ОВАНЕС ТИГРАНОВИЧ ГАНАЛАНЯН

Армения в творчестве русских поэтов
(Статьи, стихи)

Зав. редакцией **Г. С. Атрын**
Редактор **В. А. Габриелян**
Художник **Дж. Е. Гаспарян**
Художественный редактор **О. С. Малхасян**
Технический редактор **С. Г. Шахвердян**
Контрольный корректор **Ю. Р. Меликян**

ИБ № 6260

Сдано в набор 17.06.88 г. Подписано к печати 18.08.88 г. ВФ 02358.

Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типогр. № 2. Гарнитура «Литературная».

Печать высокая. 7,88 усл. п. л. 6,4 уч.-изд. л.

Тираж 2000. Заказ 505. Цена 65 к.

Издательство «Советакан грох», Ереван-9, ул. Теряна, 91. Типография
№ 6 Госкомиздата по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли Арм. ССР. Ереван, ул. Туманяна, № 23/1.

Сканирование, OCR — Айвазьян Владимир

